

Национальный заповедник «Херсонес Таврический»
Крымское отделение Института Востоковедения НАН Украины

II Международный Византийский семинар
ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ:
«империя» и «полис»

Национальный заповедник «Херсонес Таврический»
Севастополь, 31 мая – 4 июня 2010 г.

ТЕЗИСЫ ДОКЛАДОВ И СООБЩЕНИЙ

Севастополь
2010

ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: «империя» и «полис» // Тезисы докладов и сообщений
II Международного Византийского Семинара (Севастополь 31.05 – 04.06 2010)

*Издаются по решению Ученого Совета
Национального заповедника «Херсонес Таврический»*

Организационный комитет и Редакция:

АЙБАБИН АЛЕКСАНДР ИЛЬИЧ, профессор, доктор исторических наук, руководитель Крымского отделения Института востоковедения НАН Украины (Симферополь) - ПРЕДСЕДАТЕЛЬ

АЛЕКСЕЕНКО НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ, dr. (Paris IV-Sorbonne), заведующий филиалом Национального заповедника «Херсонес Таврический» (Севастополь) - КООРДИНАТОР

АФИНОГЕНОВ ДМИТРИЙ ЕВГЕНЬЕВИЧ, профессор, доктор филологических наук, кандидат исторических наук, ведущий специалист Института Всеобщей истории РАН (Москва)

БИБИКОВ МИХАИЛ ВАДИМОВИЧ, член корреспондент РАН, заместитель директора Института Всеобщей истории РАН (Москва)

ИВАКИН ГЛЕБ ЮРЬЕВИЧ, член корреспондент НАНУ, заместитель директора Института археологии НАН Украины (Киев)

СТЕПАНЕНКО ВАЛЕРИЙ ПАВЛОВИЧ, профессор, доктор исторических наук, заведующий кафедрой древнего мира и средних веков Уральского государственного университета (Екатеринбург)

ЯШАЕВА ТАТЬЯНА ЮСУФОВНА, заведующая отделом Национального заповедника «Херсонес Таврический» (Севастополь) - СЕКРЕТАРЬ

*Конференция проводится при финансовой поддержке
Института развития Крыма (Глава Правления Алексей Дремов)
Севастопольского городского отделения Приватбанка
Предпринимателя-мецената Алексея Шереметьева*

Н. А. АЛЕКСЕЕНКО

Национальный заповедник «Херсонес Таврический»
(Севастополь, Украина)

РОД ЦУЛЫ: ВАРВАРЫ НА ВИЗАНТИЙСКОЙ СЛУЖБЕ? (атрибуция и датировки по данным сфрагистики)

Среди известных родов византийской аристократии X–XI вв. семейство Цулы никак не отмечено. Тем не менее, по крайней мере, одного из представителей этого рода — стратига Георгия Цулу упоминают византийские хронисты (Скилица, Зонара). Известны Цулы и по другим документам, например, среди фессалонийских чиновников IX–X вв. Еще об одном персонаже — топотирите Цуле-беге повествует известная Мангупская строительная надпись, передатировку которой недавно предложил А. Виноградов. Самого позднего представителя семейства — болгарина по имени Цула (XIII в.) называет Георгий Пахимер.

Информацией же о других мы располагаем только благодаря данным моливдовулов.

Печати рода Цулы достаточно хорошо известны в сфрагистической литературе. Однако, до сих пор среди исследователей возникают споры и научная полемика так или иначе связанные с этим родом (Герцен, Степаненко, Виноградов, Цукерман).

Еще в XIX в. Г. Шлюмберже представил моливдовул спафария Херсона, с очевидным не греческим именем — Цула, которое по мнению Д. Моравчика имеет тюркское происхождение. С тех пор моливдовулы рода Цулы так или иначе фигурируют на страницах научной печати, хотя они и не столь многочисленны как у более знаменитых родов. До не давнего времени их насчитывалось 20 экз. Сегодня к этой группе мы можем присоединить еще 7 моливдовулов, отдельные из которых не только дополняют известную ранее информацию, но и в известной мере позволяют смоделировать определенную версию родового древа.

Печати фиксируют не менее 7 представителей рода (Георгий, Лев, Михаил, Игнатий Феофилакт, Фотий (Фотин?), Цула). Примечательно, что лишь единицы из них указывают свои должности и место службы. Два представителя рода являлись стратигами фемы Херсон (Лев и Георгий) Наиболее активным, безусловно, является широко известный Георгий Цула. (12 экз.). Его моливдовулы представлены двумя основными сериями, где указывается его титулатура и должность стратига. Однако по какой-то причине половина моливдовулов не имеет топонимического названия (6 экз.).

Тот факт, что абсолютное большинство печатей семейства Цулы происходит из Крыма дает основания полагать, что мы все-таки имеем дело с местным аристократическим семейством, возможно тюркского или болгарского происхождения, появившемся на полуострове около середины X в. Возможно, не все представители рода состояли на византийской службе и имели высокие посты (к сожалению, ряд персонажей представлен лишь личными печатями). Тем не ме-

нее, следует отметить, что даже самые ранние печати уже несут византийские титулы, что дает основания предполагать принадлежность владельцев печатей к византийской администрации в Таврике. Сопоставляя данные письменных источников, памятников эпиграфики и сфрагистики историю рода можно реконструировать следующим образом:

Имя, ранг, должность	Датировка	Место пребывания	Источник
Цула , эк просопу	941-942 гг.	Фессалоники	Документ (Dölger, 1948, nr.107)
Цула , императорский спафарий Херсона	Около середины X в.	Херсон	печать с крестом на ступенях
Цула , императорский спафарий Херсона	Вторая половина X в.	Херсон	печать с бюстом св. Николая
Михаил Цула ,	Вторая половина X в.	Херсон	печать с бюстом св. Николая
Игнатий Цула	Вторая половина X в.		печать с птицей
Феофилакт Цула	Вторая половина X в.		печать с птицей
Лев Цула , императорский протоспафарий и стратиг Херсона	Вторая половина X в.	Херсон	печать с бюстом св. Михаила
Цула-бег , топотирит	994-995 гг.	Херсон?	Мангупская надпись
Георгий Цула , императорский протоспафарий и стратиг Херсона	Начало XI в.	Херсон	печать с двусторонней надписью
Георгий Цула , императорский протоспафарий и стратиг	Начало XI в.	Херсон	печать с двусторонней надписью
Георгий Цула , протоспафарий Боспора	Начало XI в.	Боспор	печать с бюстом св. Георгия
Мосик Цула	Начало XI в.		печать с драконом
Фотий (Фотин) Цула , протоспафарий?	Первая половина XI в.		печать с бюстом св. Евстафия
Иоанн Цула , императорский нотариус	Около середины XI в.		печать с бюстом св. Иоанна
Цула	1278-1282	Болгария	Георгий Пахимер (PLP, 28025)

Д. Е. АФИНОГЕНОВ
Институт Всеобщей истории РАН
(Москва, Россия)

**ИМПЕРИЯ О ВАРВАРАХ:
СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЭКСКУРСА О БОЛГАРАХ
У ФЕОФАНА, НИКИФОРА И ГЕОРГИЯ МОНАХА**

Ценнейшим источником информации о происхождении протоболгар и их переселении на византийские земли является, как известно, обширный экскурс, сохранившийся в наиболее полном виде у Феофана Исповедника (*Theophanis Chronographia*, p. 356,19–359,26, de Boor), но также у патриарха Никифора (*Nicephori Breviarium*, p. 33,3–35,25, de Boor) и Георгия Монаха (*Georgii Monachi chronicon*, 728,15–729,16, de Boor/Wirth; Coisl. 305, f. 323–324). Как уже было доказано, для описания периода с 685 по 775 г. Феофан пользуется, помимо восточных хроник, двумя основными источниками, условно называемыми **Scriptor anni 718* и **Historia Leonis*, причем Георгий Монах несомненно копирует независимо второе сочинение, а весьма вероятно, и первое. Никифор также использует оба этих источника независимо от Феофана. Поэтому следует или допустить, что названный экскурс восходит к третьему источнику, что представляется сомнительным из-за его ограниченного объема и крайней малочисленности доступных всем трем хронистам произведений, или связать этот текст с одним из реконструируемых источников. Литературная форма экскурса такова, что он мог быть вставлен в любое из этих сочинений даже вне хронологического порядка при первом упоминании о болгарях. Однако стилистические особенности текста делают такую привязку достаточно затруднительной. Наиболее характерная черта — постоянное употребление причастий *λεγόμενος* и *καλούμενος* («так называемый») применительно к топонимам, этнонимам и экзотическим реалиям. В тексте Феофана оно встречается 14 раз, а у Никифора (при гораздо меньшем объеме) — 6. При этом первый говорит *τῶν Οὐννογοῦνδοῦρων Βουλγάρων καὶ Κοτράγων*, а у второго сказано: *τῶν λεγομένων Οὐννων καὶ Βουλγάρων*. У Феофана: *ἡ παλαιὰ Βουλγαρία ἐστὶν ἡ μεγάλη, καὶ οἱ λεγόμενοι Κότραγοι*; у Никифора: *ἡ πάλαι καλουμένη μεγάλη Βουλγαρία καὶ οἱ λεγόμενοι Κότραγοι*. Таким образом, в исходном сочинении этих причастий могло быть еще больше. Сопоставление с фрагментами, восходящими к **Scriptor a. 718* и **Historia Leonis*, также насыщенными географическими названиями и непривычными для византийца реалиями, дает следующий результат. Феофан, рассказ о возвращении Юстиниана II из Крыма (p. 372,26–374,8, из **Scriptor a. 718*) — ни одного из данных причастий. Он же, рассказ о суровой зиме на Черном море (p. 434,6–435,5, из **Historia Leonis*) — ни одного. Никифор, то же — 3 раза (p. 40,17–42,2) и 1 раз (p. 67,4–68,26).

Частое повторение выражения «так называемый» свидетельствует об определенной стилистической ориентации текста, а именно о его классицизирующем

характере. В то же время автор почти не прибегает к архаизации этнонимов или топонимов (напр., «скифы» вместо хазар и т. п.), что обычно свойственно сочинениям, написанным в подобном ключе. Говоря об Истре, он поясняет: Ἰστρὸν ἤτοι Δαυοῦβιν λεγόμενον. Сочетание этих обстоятельств заставляет предполагать, что исходный документ был составлен в императорской канцелярии и представлял собой историческую справку, предназначенную для императора или его ближайших сановников. Во всяком случае он не мог возникнуть как органическая часть *Scriptor a. 718 или *Historia Leonis. Это значит, что если не постулировать отдельное бытование фрагмента о болгарях, необходимо определить, в какое из этих двух произведений он первоначально входил. Если исходить из его хронологического и композиционного размещения, следует полагать, что данный текст был частью *Scriptor a. 718, особенно если тот начинался с царствования Константина IV, а не Юстиниана II (что вполне возможно). Однако в этом источнике информация о первом царствовании Юстиниана (и тем более Константина IV, если его правление там описывалось) изложена очень сжато, и трудно себе представить, чтобы она включала столь пространный экскурс. Кроме того, нет ни единого примера, чтобы *Scriptor a. 718 копировал какой-то другой идентифицируемый источник. Напротив, в классицизирующем контексте *Historia Leonis такая вставка выглядела бы гораздо более уместной, тем более что заимствования, напр., из *Scriptor'a в этом сочинении очевидны. В таком случае хронисты должны были переместить текст о болгарях (повествование *Historia начинается с 717 г.) и приурочить его к моменту первого появления этого племени на византийских границах. Хотя все вышеизложенное следует расценивать лишь как предварительные наблюдения, необходимость строго филологического подхода к данной проблеме не вызывает сомнения.

Н. Д. БАРАБАНОВ

Волгоградский государственный университет
(Волгоград, Россия)

ДЕНЬ СВ. ИОАННА.

К ИСТОРИИ НАРОДНЫХ ПРАЗДНИКОВ В ВИЗАНТИИ

Празднование Рождества св. Иоанна Предтечи в православном календаре приходится на 24 июня (7 июля по новому стилю). Этот день года близок к периоду летнего солнцестояния и по этой причине в разных религиозных традициях «со времен глубокой древности» оказался связан с почитанием небесного светила. Тем более важным представляется изучение отношений солярного культа с христианской ритуальной практикой на ее различных уровнях. Обрядовый комплекс праздника, его трансформации и специфика в народной среде, многократно привлекали внимание исследователей на материалах греческого, славянского и русского фольклора XIX–XX вв. Свидетельства византийского

времени в лучшем случае рассматривались в качестве предыстории тех или иных элементов обрядности наравне с данными античных источников. Однако сохранившиеся сведения о сопровождавших праздник ритуалах, совершавшихся в XII в. населением Византии, и, в частности, Константинополя, обладают самостоятельной ценностью и должны быть изучены как важный компонент структуры приходского православия и как феномен народной религиозности. При этом их смысловое наполнение может быть в известной мере реконструировано с помощью данных значительно более позднего периода, но принадлежащих к той же культурной традиции.

Описание празднования находится в комментарии известного канониста, патриарха Антиохийского Феодора Вальсамона на 65 канон Трулльского Вселенского собора. Автор отметил, что в период патриаршества Михаила III Анхиальского (январь 1170-март 1178) была предпринята попытка искоренения народных обычаев, связанных с 23 и 24 июня. Данный факт свидетельствует, что следует подчеркнуть особо, об их значительной популярности, которая и вызвала запрещающую реакцию церковных властей.

Из рассказа Вальсамона можно извлечь информацию о двух основных комплексах обрядности, которые генетически восходили к античной архаике и несли на себе следы солярного культа. Во-первых, это действия апотропеического характера: разжигание костров и окропление жилищ водой, которая в день праздника считалась носителем особой защитной силы. Канонист отметил обязательный атрибут огненного ритуала — прыгание через костры. Семантика данной ритуальной формы сложна. Мы не знаем, что могли бросать византийцы в огонь, какие предметы держали в руках во время прыжков и какими словами их сопровождали. Но из контекста греческих народных традиций поствизантийского времени следует, что главной целью прыгающих было обретение здоровья, а также расставание с невзгодами прежнего, допраздничного, времени, которые должны были сгореть в пламени.

Второй комплекс обрядности был связан с гадательными ритуалами, среди которых важнейшим и наиболее популярным был «клидон». Этот способ узнавания будущего имел очень древнее происхождение и был основан на веровании в получение откровения из уст чужого человека, принимаемом по жребию. Возможно, в ритуале синтезировались традиции как греческой, так и римской мантики, в частности, имеющие отношение к культу богини Фортуны. Совершение гадания именно в этот день также было связано с особой ролью солнца, которое своим светом раскрывало тайны будущего. У Вальсамона мы находим довольно краткое описание действия, но лакуны в нем без труда могут быть заполнены благодаря сравнению с более поздними греческими гадательными церемониями. Упоминание в качестве главного персонажа гадания юной девочки, а также традиционных до нашего времени реквизитов, позволяет думать, что уже в XII в. «клидон» обрел черты специфически женской мантики. Что касается других способов гадания, то среди них следует предполагать специальное гадание по солнцу, которое по народным верованиям в день Рождества св. Иоанна Предтечи «играет» на небе, поворачиваясь влево или вправо.

Анализ двух обрядовых комплексов, а также некоторых других атрибутов праздника, упомянутых Вальсамоном, показывает, что Рождество св. Иоанна Предтечи в народном календаре византийцев занимало исключительно важное место, являясь одним из кульминационных событий религиозной жизни года. Мотивы солярного культа неизбежно определяли его специфику, но за ними следует предполагать глубокий процесс адаптации древних традиций к реалиям христианского бытия, что найдет отражение в дошедших до нас греческих фольклорных памятниках более позднего времени.

А. Ю. ВИНОГРАДОВ

Институт Всеобщей истории РАН
(Москва, Россия)

СТРОИТЕЛЬСТВО В ХЕРСОНСКОЙ ФЕМЕ ПО ДАННЫМ ЭПИГРАФИКИ

Если политическая история фемы Херсона (первоначально — Климатов) в некоторой степени освещена византийскими историками, а ее административная структура — печатями, то основным письменным источником по строительной деятельности в этой области остаются надписи, многие из которых недостаточно изучены. Собственно, первое упоминание предтечи фемы, некоего подобия экзархата Херсона и Воспора во главе со стратигом, встречается именно в надписи 589–590 гг. из Тамани, сообщающей о возобновлении некоего Кесария. Этим словом здесь скорее обозначено не некое здание, а известное с I в. римское имя города Гермонасса. Функционирование этой «протофемы», видимо, прервалось в «темные» VII–VIII вв.

К первым надписям фемы Климатов, возникшей в 830-е гг., по палеографии могли бы относиться две строительные надписи из Херсона (НЗХТ, инв. № 81/36504 и 37068), однако против этого говорят их формулы без упоминания об императоре («Воздвигли херсаки это» и «Силою Господа нашего Иисуса Христа»), а также варварские имена дедикантов второй надписи (.илих, сын Од..ли, и Гапр, сын Ка. з.ри.я).

Поэтому первой сохранившейся строительной надписью фемы Херсона следует считать камень из башни в Табана-Дере на Мангупе. Правильное прочтение даты (6503 г. от сотворения мира, т.е. 994–995 гг. от Р.Х.) позволяет правильно оценить ее исторический контекст. Стена, упомянутая с надписи, была построена топотиритом Цулой-бегом, т.е. лейтенантом стратига фемы или командиром крепости в системе фемной обороны. Согласуется с этим и наше предположение о том, что Цула-бег мангупской надписи может быть идентичен «Цуле, императорскому спафарию Херсона» и отцом херсонских чиновников τοῦ Τζούλα: Игнатия, Феофилакта, Михаила и Георгия. Строительство стены для защиты Мангупа, а следовательно, и подступов к Херсону вполне понятно как в контексте борьбы

Византии с кочевниками (которые в 1018 г., действительно, вторглись в Крым), так и в плане защиты от возможного союза болгар с печенегами после событий 986 г.

О стабилизации ситуации в предгорьях Крыма в конце X в. свидетельствует и возникновение совершенно незащищенного полупещерного храма в Глубоком Яру: на его стенах сохранились граффити 980–981, 982 и 1034 гг.

О частной строительной инициативе кон. IX — нач. X в., вероятно, свидетельствует надгробие игумена Никиты 906 г. из Партенита. Там он назван «гостелюбивым и нищелюбивым», что может указывать на строительство им ксенодохия и птохотрофия в партенитском монастыре Свв. Апостолов. Тогда же, в X в. монастырь, видимо, функционировал и в соседнем Панаире на Аю-Даге, о чем косвенно говорит надгробие Георгия оттуда.

Частными лицами: монахом Нилом и жителями города Дороса (вариант Феодоро исключается в силу длины строки), был построен в X в. и храм у пещеры Данильча-Коба. Характерно, что для строительства расположенной высоко в горах церкви монах прибегает к расположенного довольно далеко города Дороса.

В 1059 г., при Исааке I Комнине, «ворота претория» (перевод Сорочана как «дверь» безоснователен) около Карантинной бухты и «остальные ворота крепости» Херсона были возобновлены, согласно надписи, стратигем Херсона и Сугдеи Львом Алиатом. Редкое имя Алиат в средневизантийское время известно лишь в Болгарии — вполне возможно, что Лев Алиат также происходил оттуда. Эта связь с Болгарией может быть неслучайной: именно в 1059 г. Исаак I вел военную кампанию против печенегов в Болгарии и вполне мог опасаться нападения печенежских союзников (например, торков) на Херсон. Причиной разрушения стен было, вероятно, сильное землетрясение 2-й четв. XI в.

По палеографии к данной надписи близок еще один фрагмент надписи с очень крупными буквами (выс. 6 см), найденный около башни 17 и содержащий, возможно, слова «в царствование» (НЗХТ, № 35042). Это может свидетельствовать о масштабной деятельности Льва Алиата по возобновлению стен Херсона.

Последние свидетельства относятся к кон. XII в. В 1183 г. в Херсоне, по всей вероятности, в храме № 26 на главной площади в аркосолии был погребен «иеромонах и клирик Петроний, благодетель и недостойный наследник ктитора». Следовательно храм № 26 был, скорее всего, построен незадолго до этого, где-то в сер. XII в. Это была ктиторская постройка высокого уровня (с мозаичным полом), возможно, монастырь, клириком которого и был Петроний.

Близка этому надгробию по палеографии разбитая на мелкие кусочки строительная надпись из IX квартала (завал пом. 10). Речь в ней идет о строительстве храма Богородицы некими Г... и Савватием во 2-м индикте. В кон. XII в. 2-й индикт выпадал на 1167–1168, 1182–1183 и 1197–1198 гг. Скорее всего, речь идет о храмике около церкви № 22 (т. н. «Северной базилике») в том же квартале IX.

В 1179 г. к северу под Мангупом, на капители базилики на месте современно-го водохранилища была нанесена надпись: «Возобновлено в Варзарах гра [до... ми (?)] в 6687 году, 29 июля, [в 7-ой] ин [дикт]». Речь идет, по всей видимости, о ремонте старой базилики, произведенном горожанами — характерно отсут-

ствии всякого упоминания о византийской администрации, что может свидетельствовать об кризисе византийской администрации в Юго-Западном Крыму кон. XII в., отмеченном при этом всплеском строительной активности.

А. А. ЕВДОКИМОВА
Институт Языкознания РАН
(Москва, Россия)

ГРАВИС И ЕГО ФУНКЦИИ В ГРЕЧЕСКИХ ОКСИРИНСКИХ ПАПИРУСАХ В СОПОСТАВЛЕНИИ С ВИЗАНТИЙСКИМИ НАДПИСЯМИ

Оксиринские папирусы не только одна из самых интересных групп папирусов, содержащая тексты различных жанров, авторов, веков, но и одна из самых точных в передаче диакритических знаков серия изданий папирусов, которая позволит нам проследить все возможные функции грависа. Гравис в отличие от акута и циркумфлекса поменял свое значение при переходе с александрийской системы акцентуации к византийской, одной из вех которого стала орфографическая реформа, проведенная около 400 г. н. э. Феодосием Александрийским: за грависом установлено было место на конечном ударном слоге связного текста, а другие случаи употребления грависа, в том числе обозначение безударного слога, были устранены. Однако, как показал анализ византийских акцентуированных надписей, вплоть до XIV–XV веков употреблялась система маркирования безударного слога грависом, а также употребление грависа в значении акута, возникшего как перенос ударения при энклитике или выделение клитики грависом.

Существовала также тенденция сдвига грависа влево, которую Лаум считал рефлексом старой александрийской системы акцентуации, характеризующейся тем, что гравис в ней ставился на все безударные слоги. Анализ общего употребления грависа, а также вопроса его переноса, позволил Фурне (Jean-Luc Fournet (1999) *Hellénisme dans l'Égypte du Vie siècle. La bibliothèque et l'oeuvre de Dioscore d'Aphrodité MIFAO 115/1 Caire: 1999, 26–27*) сделать вывод, что тот гравис, который многие ученые привыкли трактовать, как гравис византийской системы акцентуации в случае двусложного слова с ударением на последний слог, является простым переносом александрийского грависа вправо, а не заменой акута на гравис.

До сих пор нет однозначного решения по поводу существовавших замен акута на гравис и грависа на акут, являются ли они случайными или же существовала какая-то система. В некоторых папирусах и надписях наблюдается последовательное использование только одного из знаков, где-то встречаются оба знака, при чем акут и на ударных, и на безударных слогах, а гравис только на конечных слогах внутри синтагм.

Для ряда папирусов было выявлено любопытное явление интонационного перехода или особого мелодизма ударения, которое складывается при поста-

новке грависа на безударный слог и сохранения акута на ударном: μῶμέσθαι (Parthenios Alcman, 44) φέρῶσαις (Parthenios Alcman, 61), θῶστήρ (Parthenios Alcman, 81) Для сравнения с разбираемыми примерами перехода ударения от грависа к акуту, представленные в работе Фурне цитаты из папирусов с текстами Гомера: [κα]ματώι (X 399) μαχήι (XI 736) Ἀσινήν (II 560) (Jean-Luc Fournet (1999) *Hellénisme dans l'Égypte du Vie siècle. La bibliothèque et l'oeuvre de Dioscore d'Aphrodité* MIFAO 115/1 Caire: 1999, 22). Близкое подобному явлению внутри дифтонга также встречается и в византийских надписях, найденных на территории Грузии. Вполне возможно, что внутри дифтонга совмещение двух знаков: акута и грависа, призвано заменить циркумфлекс.

Таким образом, в докладе будут подробно разобраны уже описанные выше некоторые из функций грависа, а также будут показаны и более редкие случаи, которые пока из-за малочисленности материала нельзя однозначно трактовать, как признаки какой бы то ни было системы, и можно обозначать, либо как определенные тенденции, либо как ошибки, допущенные в тексте писцом.

И. А. ЗАВАДСКАЯ

Крымское отделение Института Востоковедения НАН Украины
(Симферополь, АР Крым, Украина)

КАТАСТРОФА В ХЕРСОНЕ НА РУБЕЖЕ ТЫСЯЧЕЛЕТИЙ: ИСТОЧНИКИ ГИПОТЕЗЫ О ЗЕМЛЕТРЯСЕНИИ

Одним из наиболее трагичных событий в истории средневекового города Херсона является катастрофа, приведшая к разрушению значительной части городских кварталов, главным образом в Северном прибрежном и Западном районах. Дата этой катастрофы определяется в пределах конца X — первой половины XI вв. Установление более узких рамок разными исследователями зависит от того, как они интерпретируют археологический (прежде всего монеты) материал, полученный при исследовании пострадавших кварталов, и в чем видят причину произошедшего катаклизма. Те, кто датируют слои разрушения концом X — началом XI в., склонны связывать их с военными действиями в период осады и взятия города киевским князем Владимиром в 988 или 989 г. Именно эта точка зрения (основоположники Г. Д. Белов и А. Л. Якобсон) долгое время была единственным объяснением произошедшей катастрофы. Сравнительно недавно возникла гипотеза, согласно которой причиной разрушений могло стать сильное землетрясение во второй четверти/середине XI в. (А. И. Романчук). Идея о сейсмической катастрофе получила определенную популярность и порой преподносится как вполне доказанный факт (А. А. Никонов, С. Б. Сорочан, В. В. Хапаев).

Гипотеза о разрушении Херсонеса в результате природного катаклизма основана на вычисленной геологом Л. В. Фирсовым хронологии средневековых крымских землетрясений, о которых нет сведений в письменных источниках.

Исходя из приблизительной периодичности разрушительных толчков один раз в 100–150 лет он предложил следующие даты землетрясений, которые могли происходить в Крыму: около 600 г., в середине VIII в., около 900 г., в середине XI в. и около 1200 г. Началом отсчета этой хронологии является землетрясение 480 г., зафиксированное византийскими хрониками для Константинополя и некоторых других городов на берегу Мраморного моря. Впервые связал это землетрясение с Крымом и, в частности с Херсонесом, А. Л. Бертье-Делагард, осторожно предположив, что восстановление стен города, отраженное в знаменитой надписи Зенона 488 г., могло быть следствием данного природного бедствия. С тех пор это предположение для многих превратилось в неподвергающийся сомнению исторический факт. Землетрясение 480 г., как разрушительное для Херсонеса и всего Крыма (нередко со ссылкой на византийские источники!) вошло во все каталоги землетрясений, изданные в Советском Союзе. Однако какой бы силы не было это землетрясение, его разрушительное действие не могло достичь северных берегов Черного моря, тем более охватить весь Крым. В истории такие случаи не известны. Геолог А. А. Никонов, исходя из имеющихся сведений, охарактеризовал катастрофу в Константинополе в 480 (487) г. как землетрясение местного масштаба. Тем не менее, он считает, что в Херсонесе в близкое время все же произошло разрушительное землетрясение с эпицентром у его берегов. В качестве подтверждения он, в частности отмечает наличие трещин в кладке башни Зенона (XVII). Однако датировка этих трещин в статьях А. А. Никонова и И. А. Антоновой существенно отличается. Кроме того, по предположению крымского геолога М. Е. Герасимова, трещины в данной башне могут быть объяснены статическими нагрузками.

Таким образом, бесспорные свидетельства разрушительного землетрясения в Херсонесе-Херсоне в конце V в. не известны. При создании периодизации и хронологии Л. В. Фирсова использованы и некоторые другие сомнительные сведения о землетрясениях (к тому же отмеченные для разных районов Крыма), что лишает предложенные им хронологические построения (так же как и применение их для Херсонеса) научного обоснования. Кроме того, попытки установить закономерность в повторяемости сильных землетрясений, так же как и их прогнозирование на данном этапе как исторических, так и геологических знаний практически лишены какой-либо научной точности (Лондонское совещание «Оценка проектов по прогнозу землетрясений» 1996 г.). Следовательно, «вычисленное» землетрясение в Херсоне в середине XI в. не может быть признано бесспорным историческим фактом. Тем не менее, ссылаясь на мнения археологов, А. А. Никонов предлагает внести его в обновленный каталог землетрясений Крыма, определив его интенсивность «не менее 8–9, вероятно, 9 баллов в Херсонесе» (1994 г.). К последствиям этого землетрясения ученый относит разрушение жилых кварталов, «почти всех... базилик», а также повреждение оборонительных стен, что вызвало их последующую реконструкцию и перестройку. Однако при этом для данных памятников не указывается ни один из признаков именно сейсмического воздействия, которые охарактеризованы А. А. Никоновым в его

методологических работах и считаются им очень важными для определения причины разрушения тех или иных объектов. Нет сведений об этих признаках и в отчетной документации раскопок разрушенных кварталов Херсонеса.

Таким образом, в настоящее время гипотеза о разрушительном землетрясении в Херсоне в XI в. не имеет ни геологических, ни археологических обоснований. Не известны также и письменные свидетельства этого события.

N. KANEV

Université «L'Évêque Konstantin Preslav»
(Choumen, Bulgarie)

**À PROPOS DU SCEAU D'UN COMMERCIAIRE DE CHERSON
DECOUVERT EN BULGARIE
ET DE LA PRESENCE BYZANTINE A LA PARTIE OCCIDENTALE
DE LA REGION DISPOSEE ENTRE STARA PLANINA
ET SREDNA GORA PENDANT LE IX^e SIECLE**

En collection privée de M. Vesselin Stankov (un collecteur bulgar de la ville de Batak), se trouve un curieux exemplaire d'un sceau de plomb de commerçiant de Cherson. Il s'agit d'une molybdobulle d'un certain *Serge, candidat et commerçiant de Cherson*, découverte près du village de Dabéné, dans la territoire de la municipalité de Karlovo. La molybdobulle n'a pas des parallèles et elle a été publiée en 2009 par le prof. Ivan Jordanov (Jordanov, Corpus III, 2009, nr. 1442 A). Selon l'éditeur le sceau remonte au IX^e siècle et il pose la question principale qui s'ensuit du fait que la place de la trouvaille est un territoire qui n'appartient pas en IX^e siècle à Byzance — comment expliquer qu'un commerçiant de Cherson s'adresse à un destinataire (inconnu à nous) de cette contrée-là si éloignée du centre de l'Empire et même qui est assez loin de chaque point admissible à une pareille correspondance.

Le village de Dabéné est disposé dans la plaine de Karlovo, entre les deux montagnes de Stara Planina (Hemus) et de Sredna Gora, c'est-à-dire dans une région qui fait partie de l'État bulgare dès le VIII^e siècle. On pourrait bien supposer qu'il s'agit du territoire qui passait jusqu'au temps du khan Kardam (777–802) une ou plusieurs fois des mains des Byzantins aux Bulgares et à l'inverse, mais pourtant au IX^e siècle le pouvoir bulgare à la région semble assez solide et incontestable (Voir: Коледаров, 1979, с. 30–31).

On pourrait bien admettre la présomption de l'éditeur qu'il ne s'agit pas d'une correspondance officielle mais plutôt privée, car il est évident qu'un commerçiant de Cherson n'avait aucune raison d'écrire une lettre officielle à un destinataire de cette partie de la péninsule Balkanique. De tout façon il est à souligner que même une correspondance privée avec un destinataire du territoire non-byzantine, un territoire qui à ce moment là appartenait à l'État bulgare, paraît étrange!, car la réception d'une correspondance de Cherson à Dabéné ne semble possible que dans le cas de la présence byzantine au nord de Sredna Gora. Ainsi il s'avère nécessaire d'analyser quand au IX^e

siècle il est possible d'avoir une certaine présence byzantine dans cette région et surtout dans la plaine de Karlovo.

Après une analyse profonde de tous les événements historiques, il nous semble qu'on peut proposer trois hypothèses sur le moment d'apparition du sceau du commerçant de Cherson Serge près du village de Dabéné:

1. On peut supposer que la présence bulgare dans la plaine de Karlovo n'était pas stable avant les conquêtes des territoires byzantins par khan Kroum, ce qui nous permet d'affirmer que Dabéné avec toute la partie occidentale de la région entre Stara Planina et Sredna Gora pendant les premières quelques années de IX^e siècle faisait partie de l'Empire. On peut admettre également que le destinataire habitait (ou résidait) là avant l'établissement du pouvoir bulgare sur le territoire mentionné par nous et dans ce cas la datation de la bulle de plomb doit remonter à la première décennie de IX^e siècle. Pourtant, l'admission d'une présence byzantine dans la région entre Stara Planina et Sredna Gora jusqu'au temps du khan Malamir (831–836) semble absurde et elle est inacceptable (voir: Златарски, 1994, с. 334–336; Божилов, Гюзелев, 1999, с. 158).

2. Une deuxième hypothèse semble plausible si on prend en considération les événements du milieu des années 50 du IX^e siècle. Il s'éclaté une nouvelle guerre entre la Bulgarie et la Byzance en 855–856. L'armée byzantine avec l'empereur Michel III et le César Bardas à la tête a envahi la plupart des territoires bulgares au sud de l'Hemus (Stara Planina) — la région de Zagora, la vallée de Maritsa avec Philipopolis, les villes du littoral de la mer Noire — Anchialos, Deultum et Messembria. Il est très possible que les troupes byzantines ont aussi occupé la plaine de Karlovo. Il paraît que l'occupation byzantine durait assez longtemps, un an au moins, pourtant je me permets de supposer qu'il est possible que cette occupation durait peut-être jusqu'à la conversion effective de Boris-Michel par les Byzantins au milieu des années 60 du IX^e siècle. Donc c'était une période assez prolongée de permettre la réception de la correspondance de Serge et de son destinataire à la village de Dabéné et on pourrait bien dater la bulle du commerçant de Cherson Serge par les années 50 et 60 du IX^e siècle.

Dans ce cas le sceau est une preuve que pendant la guerre au milieu des années 50 du IX^e siècle les Byzantins avaient pénétré dans les régions entre Stara Planina et Sredna Gora et en particulier — de l'occupation byzantine probable de la vallée de Karlovo qui a duré assez longue et suffisante (plus de plusieurs mois!). Autrement comment expliquer qu'un Byzantin — le destinataire inconnu de la correspondance — comment il puisse recevoir une lettre de notre Serge, candidat et commerçant de Cherson.

3. Enfin, on pourrait bien accepter une troisième explication de la trouvaille de la bulle près de Dabéné qui est liée avec le processus de christianisation de la population des toutes les régions de la Bulgarie après que Boris-Michel soit converti en 864–865. C'est à partir de cette date que beaucoup de prêtres et de moines byzantins ont pris part à la christianisation des Bulgares. Pendant une ou deux décennies presque tout le clergé en Bulgarie est originaire de l'Empire byzantin. Donc, il est fort probable que le destinataire à qui le candidat et commerçant de Cherson Serge écrit, soit peut-être un missionnaire qui participait à la conversion de la population de cette région de la Bulgarie ou bien il soit le prêtre d'une paroisse locale, située à la plaine de Karlovo.

Probablement il était en parenté ou en amitié avec le commerçant de Cherson, ce qui pourrait bien expliquer la raison de leur correspondance. Dans ce cas la période la plus favorable à la datation est pendant les années 60 et 70 du IX^e siècle.

En conclusion on peut souligner que dans tous les cas indiqués le sceau de Da-béné de *Serge, candidat et commerçant de Cherson* est une preuve d'une présence byzantine qui est un peu inattendue en cette région pour le neuvième siècle. Selon la première hypothèse il s'agit de la présence territoriale, selon la deuxième il s'agit de l'occupation militaire et selon la troisième — de la présence missionnaire, spirituelle et ecclésiastique liée à la conversion au christianisme des Bulgares sous l'égide de l'Empire byzantin et du patriarcat de Constantinople. La datation possible du sceau de Serge est la première décennie de IX^e siècle ou le troisième quart du même siècle.

Д. В. КАШТАНОВ

Институт Археологии РАН
(Москва, Россия)

К КРИТИКЕ ИЗВЕСТИЙ ОБ УГРОЗАХ ХЕРСОНУ В ПОСЛЕДНЕЙ ЧЕТВЕРТИ XI В. 1076 Г.: «ТАТИЩЕВСКОЕ ИЗВЕСТИЕ» О ПОХОДЕ РУССКОГО ВОЙСКА

В «Истории Российской» В. Н. Татищева под 6584 г. имеется известие о том, что Святослав Ярославич по просьбе императора Михаила VII отправил в поход на мятежный Херсон войско, во главе которого стояли Владимир Всеволодич и Глеб Святославич. На это известие обратил внимание В. Г. Васильевский, связавший с ним два письма императора Михаила без даты и адресата. Он предположил, что письма были направлены Всеволоду и что император, сватая дочь адресата за своего брата, хотел получить помощь от русского князя. Достоверность сведений Татищева подкреплялась наличием параллельного источника: труда Э. Муральта по византийской хронографии. Под 6582 г., сославшись на сочинение итальянского ученого Г. Л. Одерико (где данной информации нет), он поместил сообщение о восстании херсонитов, которое заметно отличалось от татищевского. У Муральта другая дата, речь идет не о Святославе, а о его брате Всеволоде, причиной восстания называется невозможность получения торговых привилегий.

С критикой гипотезы Васильевского выступали М. В. Левченко и А. П. Каждан, однако их внимание было сосредоточено на разборе содержания императорских посланий. Е. Ч. Скржинская пришла к выводу, что Муральт заимствовал свое известие напрямую у Татищева. Эту — неверную — точку зрения поддержал недавно М. Б. Свердлов. В последнее время аутентичность известия Татищева защищает С. Н. Азбелев. Среди исследователей истории Крыма с доверием к этому сообщению отнеслись А. Л. Якобсон, И. В. Соколова, В. П. Степаненко и Н. А. Алексеенко.

Во-первых, нами установлен источник сведений Муральта. Речь идет о сочинении С. Сестренцевича-Богуша «История о Таврии». Сестренцевич, основываясь

преимущественно на Татищеве, создал во многом баснословную, но по-своему логичную картину жизни Крыма в XI веке как истории русско-крымских взаимоотношений и постепенного упадка Херсона вследствие походов русских князей, восстаний против византийской власти и конкуренции с Феодосией и Судаком.

Во-вторых, само «татищевское известие» внесено лишь во вторую редакцию его труда, написанную «новым наречием». В Воронцовском списке, ставшем основой миллеровского издания, оно помещено на вклейке вместо приписки «Михаил, царь греческий, которой, отчима своего Константина умертвля, прислал послов, жалуясь на болгар, что многое». И приписка, и вклейка, как указывает М. Б. Свердлов, датируются второй половиной 1748–1750 гг., когда Татищев безвыездно жил в болдинской ссылке. Ошибки в изложении истории Византии и Руси свидетельствуют, что у Татищева не было древнего письменного источника о походе русского войска на Херсон. Это известие могло быть сочинено под влиянием былины о поездке князя Глеба Володьевича в Корсунь. В нем можно видеть также отклик на русские походы в Крым в 1736–1738 гг., не окончившиеся присоединением полуострова.

1087 г.: непонятое свидетельство о нашествии сельджуков.

В тексте русского «Похвального слова о перенесении мощей Николая Мир-Ликийского» имеется место, которое до сих пор не получило объяснения. Речь идет о границах атакованных сельджуками византийских территорий: «*Нашедшим убо измаилтяном иже суть торкмени... на греческую область об ону страну моря от Корсуныполя начение даже до Антиохия и до Ерусалима*».

Большинство исследователей предполагало, что Корсуньполь — Херсон. Так считали И. А. Шляпкин и А. И. Соболевский. Л. С. Чекин попытался объяснить появление сельджуков в Крыму тем, что «малоазийские турки были способны на вылазки в Северное Причерноморье еще в XI в.», либо что автор «знал о родстве сельджуков и тюркских кочевников восточноевропейских степей».

Согласиться с этим мешают два обстоятельства. Первое — географическое: как Херсон мог оказаться в представлении автора «Похвального слова» на той же стороне моря, что и Антиохия и Иерусалим? Второе, исторического плана: как Херсон наряду с ближневосточными городами мог быть атакован сельджуками? Попытку разрешить эти недоумения предпринял Д. Г. Хрусталева, под «Корсуньполем» он предлагает понимать «полуостров Херсонес (Галлиполи), который именно в это время (1090/91 г.) был избран в качестве места соединения сил печенегов и сельджуков». Действительно, эти названия в византийских текстах встречаются рядом, однако трудно представить, как из них мог получиться на русской почве такой странный «гибрид». Гипотезу Хрусталева нельзя подкрепить примерами из славянских переводных или оригинальных текстов.

В одной из рукописей из собрания митрополита Макария имеется чтение «Корсуполия». Такой же топоним встречается в славянском переводе «Хроники Георгия Амартола» и обозначает Хрисополь — город на азиатской стороне Босфора. Все таким образом встает на свои места и с точки зрения истории, и с точки зрения географии.

Конструирование двух этих событий — характерный пример «потребительского отношения к источнику», когда, по словам М. Д. Приселкова, историк «не останавливает своего внимания на вопросах, когда, как и почему сложилась запись о том или ином факте». Предостережением против такого подхода и является данная заметка.

K. KONSTANTINOV

Konstantin Preslavsky University of Shumen
(Shumen, Bulgaria)

**MEDIEVAL BULGARIA AND MEDIEVAL CRIMEA DURING X C.
(According to Archaeological Findings)**

The article studies the characteristic features of the housing architecture in the first Bulgarian capital — Pliska, and in one of the biggest cities on the Crimean peninsula — Cherson, during Xth century. It is presented archaeological findings about the character and appearance of the housing complexes, which served as hubs for the adjoining territory. Around them are set up quarters, each one to serve different purpose — for economic or religious activities, crafts work etc. The complexes are a reflection of the feudal relationships in Medieval Bulgaria and Medieval Crimea. They encompass residential buildings — built usually in the central part of a territory, protected with border wall, and buildings for economic activities and crafts work, built on the outskirts.

The similarities between the so-called usadbi in Cherson and the housing complexes in Pliska with respect to architecture are also confirmed by the analysis of the finds, that were discovered in there — namely, building and domestic ceramics, ornaments, everyday objects etc. The majority of them are influenced by the Byzantine culture as a result of the increasing role of the Christianity. On the grounds of the archaeological findings provided, it could be assumed that there were tight cultural connections between the two centers of Medieval Europe — Cherson and Pliska during Xth century. The closest relations were in terms of trade, facilitated probably by the intermediation of Byzantium.

М. А. КУРЫШЕВА

Институт Всеобщей истории РАН
(Москва, Россия)

**ЗОЛОТОЕ КОЛЬЦО АДМИРАЛА МИХАИЛА СТРИФНА
ИЗ ЧАСТНОЙ КОЛЛЕКЦИИ В МОСКВЕ**

В музейных и частных собраниях мира содержится не так много принадлежавших представителям высшей византийской аристократии предметов, при

изучении которых становится возможным точное определение их датировки и, возможно, локализации. К их числу относится впервые вводимое в научный оборот массивное золотое кольцо из частной коллекции в Москве. Особый исследовательский интерес вызывает греческая надпись на щитке и на шинке: «Богородица, помоги рабу своему Михаилу наварху Стрифну». Названный в ней владелец кольца — Михаил Стрифн (Στρυφνός) — известный своей алчностью адмирал византийского флота конца XII — начала XIII вв., достигший вершины своего могущества при императоре Алексее III Ангеле (1195–2003).

Замечательно, что имя Михаила Стрифна, женатого на Феодоре, сестре императрицы Евфросинии Каматириссы, неоднократно упоминается в византийских письменных источниках. Прежде всего, его крайне отрицательный образ рисует Никита Хониат в своей «Истории». Он прямо обвиняет Михаила Стрифна в плачевном состоянии византийского флота накануне падения Константинополя в результате четвертого крестового похода в 1204 г. Писатель характеризует адмирала как человека, который обкрадывает казну и «пожирает» деньги. Ради личной выгоды Стрифн не только «менял на золото якоря и гвозди, но продавал даже паруса и канаты и таким образом не оставил в ромейских гаванях ни одного военного корабля», а греческие приморские области поручил оберегать пиратам.

Брат Никиты, митрополит Афин Михаил Хониат, по-видимому, в 1201–1202 гг. составил «Речь к великому дукe Стрифну». В этом наполненном риторикой сочинении Михаил Хониат расточал похвалы адмиралу, посетившему Афины и почтившему своим присутствием храм Богоматери. В действительности высокопоставленный византийский чиновник появился в этой области с целью подавить выступления мятежного навплийского архонта Льва Сгура, но потерпел неудачу, по-видимому, из-за постигшей его болезни. Афинский митрополит предполагал откупиться от такого посетителя дарами, о чем он уведомлял полномочного вельможу в конце письма, спрашивая его, во что бы тот оценил свое расположение к Афинам.

Имя Михаила Стрифна нашло отражение также в сфрагистическом материале. Из музейных собраний происходят четыре известные опубликованные печати, датируемые с 1192 по 1203 гг. (*Zacos, Veglery*, 1972. No. 2748, 2748 bis, 2749; *Laurent*, 1962, т.кю. 79). На лицевой стороне этих печатей помещено изображение двух святых, между которыми находится дерево, — св. Феодора с копьем и щитом и св. Иакинфа с топором в левой руке. На оборотной стороне — легенда в шесть строк с именем и разными титулами их владельца с небольшими вариациями, а также с указанием на родство с императорским домом, которое, по-видимому, и обеспечивало Михаилу Стрифну благосостояние и контролирующие функции в империи.

В специальной литературе уже известно одно массивное золотое кольцо, принадлежавшее этому некогда всесильному временщику, и ныне хранящееся в византийском собрании Дамбартон Оукс (Вашингтон). На щитке — погрудное изображение Богоматери, выполненное в технике цветной перегородчатой эмали. На шинке — упомянутая владельческая надпись в голубой эмали. В трудах исто-

риков искусства ранее уже отмечалось несоответствие между высоким рангом заказчика и довольно низким уровнем исполнения кольца — атрибута его власти.

Второе кольцо находится в частном собрании К. В. Воронина в Москве. Массивное золотое кольцо почти идентично первому по типу изображения и имеет такую же надпись. Однако при его изготовлении использована иная техника — чернение, и оно уступает в вашингтонскому не только в размере, но и в уровне художественного исполнения. По-видимому, второе кольцо могло использоваться как печать.

В докладе будут изложены результаты изучения всего комплекса сведений, касающихся этого влиятельного лица, и в связи с этим уточнены некоторые детали биографии Михаила Стрифна.

Т. В. КУЩ

Уральский Государственный университет им. А. М. Горького
(Екатеринбург, Россия)

ВИЗАНТИЙСКАЯ ИМПЕРАТРИЦА ЕЛЕНА КАНТАКУЗИНА ПАЛЕОЛОГИНА: ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ¹

Императрица Елена Кантакузина Палеологина (1333–1397) заслуживает внимания не только потому, что в ее имени соединились две столь знаковые для эпохи фамилии, но и в силу ее вовлеченности во все перипетии бурного XIV века. В ее биографии, как в зеркале, отразилось время, полное трагизма, взлетов и падений, а ее жизнь оказалась тесно связанной с судьбой ее отечества. Елена изведала на себе все повороты переменчивой фортуны, которая то одаривала ее своей благосклонностью, то посылая испытания и невзгоды.

Елена была младшей дочерью Иоанна VI Кантакузина. В мае 1347 г. в возрасте 13 лет она вышла замуж за Иоанна V Палеолога, став заложницей политических игр своего отца, незадолго до этих событий пришедшего к власти. В этом браке было больше политического расчета, нежели чувств, и неудивительно, что в отношениях между супругами не было теплоты. Елена родила троих сыновей (Андроника, Мануила, Феодора), которые в будущем стали основными действующими лицами в политической истории империи.

Ни одно из литературных сочинений или писем, составленных Еленой, к сожалению, не сохранилось. О ней мы можем судить из сообщений, которые оставили люди ближнего окружения, поэтому в реконструкции портрета будем опираться на мнения и оценки, которые оставили ее современники.

Елена получила блестящее образование под руководством видного интел-

¹ Работа выполнена в рамках ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» (НИР «Византийская империя в периоды расцвета и упадка: политическое и социокультурное измерение», ГК 02.740.11.0578).

лектуала и политического деятеля Димитрия Кидониса. Из письма Кидониса известно, что Елена составила ἐπιτίκιοι λόγιοι в честь победы ее отца. Панегирик, который посвятила совсем еще юная императрица своему отцу, заслужил высокой оценки учителя. Среди ее адресатов были известные фигуры своего времени — историк Никифор Григора и патриарх Филофей Коккин, что также говорит в пользу ее образованности.

Она была сторонницей учения Григория Паламы. Несмотря на свои паламитские взгляды, Елена терпимо относилась к латинофилам. Именно ей Кидонис направлял для прочтения и замечаний переводы с латинского языка трудов Фомы Аквинского. Кроме того, латинофильские настроения были близки ее сыну, императору Мануилу II.

Елена была вовлечена в политическую борьбу, которая разгорелась между Иоанном V и их сыном Андроником IV. Она даже оказалась в заточении в тюрьме Анема, разделив участь своего мужа. И если в конфликте ее мужа и старшего сына она все же старалась примирить обоих, то в противостоянии Мануила II и ее внука Иоанна VII заняла сторону сына. Елена, вероятно, приняла на себя обязанности регента во время похода Мануила в Малую Азию в 1391 г. Она привлекалась своим сыном императором Мануилом II к обсуждению вопроса о продаже Коринфа госпитальерам в 1397 г.

После смерти мужа Елена в 1392 г. под именем Гипомоны (Ἰπομονή) ушла в монастырь Марфы в Константинополе, где она провела остаток своих дней до смерти в августе 1397 г., не отстраняясь однако полностью от политических дел и оказывая содействие и помощь своему правящему сыну.

Елена Палеологина обнаруживала эрудицию и образованность в общении с интеллектуалами, проявляла недюжинный ум и благоразумие в принятии политических решений, демонстрировала проницательность в династических делах, сохраняла царственное достоинство в трудные минуты испытаний. Всегда оставаясь в тени, никогда не доминируя в политической жизни, Елена тем не менее была активным участником, а не статистом в той исторической драме, которая разыгрывалась в Византийской империи во второй половине XIV в.

К. А. МАКСИМОВИЧ
Институт Русского Языка РАН
(Москва, Россия)

ИЗВЕСТИЯ ВИЗАНТИЙСКИХ ИСТОЧНИКОВ О НАРОДЕ *РОС* В СЕВЕРНОМ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ

Появление в Средиземноморье в IX в. воинственного народа привлекло пристальное внимание Константинопольского двора и византийской культурной элиты не только потому, что этот народ, называвший себя *русью*, разорял земли империи. Важным обстоятельством послужил также приход *русси* с севера — это

дало византийцам не только формальное (по созвучию), но и содержательное основание отождествить народ *Русь* с библейским правителем *Рош*, который упоминается в пророчестве Иезекииля: «так говорит Господь Бог: вот Я — на тебя, Гог, князь Роша, Мешеха и Фувала! И поверну тебя и поведу тебя, и *выведу тебя от краев севера* и приведу тебя на горы Израилевы» (Иезек. 39:1–2).

В науке было много попыток установить этимологию имени *Русь*. Однако как наиболее вероятные традиционно рассматриваются две из них — северная (германо-скандинавская) и южная (славянская). В 1990-х годах акад. РАН О.Н. Трубачевым была предложена также индоарийская гипотеза происхождения этнонима *Русь*.

1) Представляется, что для решения вопроса об этимологии слова *Русь* важное значение имеет феномен так называемой «причерноморской Руси», о крещении которой сообщается в не зависимых друг от друга византийских источниках — окружном послании восточным архиереям (867 г.) и письме к архиеп. Боспорскому Антонию патриарха Фотия, а также в жизнеописаниях императоров Михаила III (842–867) и Василия I (867–886), составленных в ученом кружке Константина Багрянородного и дошедших в составе сборника Продолжателя Феофана. В жизнеописании Михаила III говорится:

«Потом набег росов (это скифское племя, необузданное и жестокое), которые опустошили ромейские земли, сам Понт Эксинский предали огню и оцелили город... Впрочем, насытившись гневом Божиим, они вернулись домой — правивший тогда Церковью Фотий молил Бога об этом, — а вскоре прибыло от них посольство в царственный город, прося приобщить их Божьему крещению. Что и произошло». В данном сообщении примечательно, что росы характеризуются как «скифское племя» — иными словами, по мнению Константина Багрянородного (или его информатора), они происходят из северного Причерноморья.

Рассмотрим теперь эпизод из книги 5 Продолжателя Феофана (жизнеописание Василия I Македонянина), принадлежащей перу самого Константина Багрянородного (ключевые для дальнейших рассуждений места подчеркнуты нами).

«97. Щедрыми раздачами золота, серебра и шелковых одеяний он [имп. Василий] также склонил к соглашению neodолимый и безбожный народ росов, заключил с ними мирные договоры, убедил приобщиться к спасительному крещению и уговорил принять рукоположенного Патриархом Игнатием архиепископа, который, явившись в их страну, стал любезен народу таким деянием. Однажды князь этого племени собрал сходку из подданных и воссел впереди со своими старейшинами, кои более других по многолетней привычке были преданы суеверию, и стал рассуждать с ними о христианской и исконной вере. Позвали туда и иерея, только что к ним явившегося, и спросили его, что он им возвестит и чему собирается наставлять. А тот, протягивая священную книгу божественного Евангелия, возвестил им некоторые из чудес Спасителя и Бога нашего и поведал по Ветхому Завету о чудотворных Божьих деяниях. На это росы тут же ответили: Если сами не узрим подобного, а особенно того, что рассказываешь ты о трех отроках в печи, не поверим тебе (...) И попросили

они бросить в разложенный ими костер саму книгу веры христианской, божественное и святое Евангелие, и если останется она неврежденной и неопаленной, то обратятся к Богу, им возглашаемому...».

В примечании к переводу жизнеописания Василия I, Я. Н. Любарский упоминает о двух возможных толкованиях этих сведений — как упоминания о Киевской Руси, или же Руси причерноморской. Однако если DAI и жизнеописание Василия I вышли из круга Константина Багрянородного, то выглядит странным упоминание крещения Руси во втором из этих сочинений при полном отсутствии такого упоминания в первом. Эта странность, однако, находит свое вполне убедительное разрешение, если принять, что в двух сочинениях, имеющих отношение к Константину, речь идет о разной Руси. В DAI о крещении Руси не упомянуто потому, что там (в соответствии с замыслом всего труда) речь идет о крупном государственном образовании — Киевской Руси со столицей в Киеве. В середине X в. эта Русь еще не была крещена. В «Жизнеописании Василия», наоборот, Русь не имеет признаков развитой государственности — там нет городов, нет даже столицы, сходку с народом и виднейшими вельможами князь собирает под открытым небом, а византийское посольство принимает в буквальном смысле «у костра». Следовательно, сообщение Константина Багрянородного о крещении Руси в жизнеописании Василия I относится к другой, не Киевской Руси. Эта другая Русь не имеет столицы — поэтому Константин говорит о посольстве не в «Киоаву», а «в их землю». Эта другая, не Киевская, Русь могла быть только Русью причерноморской.

2) В Житии патриарха Игнатия Никиты Давида (ок. 880 г.) говорится, что «так называемые Рос» — это «скифский народ». Данное сообщение в принципе позволяет локализовать Рос в северном Причерноморье.

3) В житии Георгия Амастридского, повествующем о нападении «Рос» на Амастриду ок. 842 г., автор прямо говорит о «древней таврической ксеноктонии» (убийстве иностранцев) и «принесении в жертву девушек», косвенно указывая таким образом на крымскую Таврику как ареал проживания пришлого народа.

4) Византийский историк конца X в. Лев Диакон сообщает о требовании императора Иоанна Цимисхия к русскому князю Святославу, чтобы тот «удалился в свои области и к Киммерийскому Боспору», т. е. к Керченскому проливу (VI.8). Далее Цимисхий напоминает Святославу о том, что его отец, князь «Ингор», потерпев поражение под Константинополем, прибыл «к Киммерийскому Боспору едва лишь с десятком лодок». Лев Диакон постоянно именует русов «скифами» и неоднократно — «тавроскифами» (гл. VI.8; VI.12; IX.6; IX.8 и др.).

5) В комментариях (возможно, X в.) на стихи Григория Богослова, приписанных Косьме Иерусалимскому (VIII в.), говорится о «готах», которые приходят во Фракию «на своих кораблях, которые называются *однодеревками* (μονόξυλοι)». Там же упоминается о том, что «Готия соседствует с фракийцами». В сообщении Псевдо-Косьмы состоит в том, что пришельцы пользуются точно такими же *однодеревками*, как и «росы» Константина Багрянородного, а кроме того являются из северного Причерноморья, если не прямо из Крыма («Готия» в узком смысле).

6) В византийских и западных источниках народ *Рос* начинает прямо связываться с германцами (франками) только с X в. (хроника Симеона Логофета, Ватиканский список Георгия Амартола, «Венецианская хроника» Иоанна Диякона). Таким образом, столь важный для источниковедения хронологический приоритет первого упоминания принадлежит не «северной», а «южной» гипотезе о происхождении народа *Рос*.

Рассмотренный материал показывает, что свидетельства византийских источников не подтверждают мнение о скандинавской этимологии этнонима *Русь*, а скорее указывают на южное происхождение народа — носителя этого имени. Особый интерес представляет осознававшаяся византийцами древняя связь этого народа с Таврикой.

А. С. МОХОВ

Уральский государственный университет им. А. М. Горького
(Екатеринбург, Россия)

К ВОПРОСУ О СТРУКТУРЕ ВИЗАНТИЙСКИХ ФЕМ В IX–СЕРЕДИНЕ X В.²

Проблемы, связанные с изучением внутренней структуры византийских фем, системы провинциального военного командования и институтов гражданского управления постоянно привлекают к себе внимание исследователей. Публикация в последние десятилетия массового сфрагистического материала позволила значительно расширить круг изучаемых проблем, от рассмотрения отдельных аспектов или сюжетов перейти к обобщающим, компаративным, статистическим и топографическим исследованиям византийской фемной системы IX–XI вв.

Одним из наименее изученных вопросов, связанных с военно-административной системой Византии, является проблема образования новых фем в пограничных регионах империи. Данный процесс шел на протяжении длительного времени и новые фемы формировались в различных военно-политических условиях, в разной этнической и религиозной среде. Выявить здесь какие-либо закономерности достаточно сложно, можно лишь сравнивать процессы, происходившие в пограничных фемах в определенный исторический период. В настоящем сообщении предпринята попытка дать сравнительную характеристику структуры двух византийских пограничных фем — Диррахия и Херсона.

Вопрос о времени основания фемы Диррахий остается дискуссионным. Одни исследователи датируют данное событие правлением императоров Никифора I (802–811) или Льва V (813–820) — Я. Ферлуга, Т. Василевски. Согласно другой точке зрения, фема Диррахий появилась при Михаиле II (820–829) или

² Работа выполнена в рамках ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» (НИР «Византийская империя в периоды расцвета и упадка: политическое и социокультурное измерение», ГК 02.740.11.0578).

Феофиле (829–842), а первое упоминание стратига Диррахия в «Тактиконе Успенского» относится к 842–843 гг. (А. Пертузи, Г. Острогорский, Н. Икономидис). О внутренней структуре фемы Диррахий можно судить по немногочисленным и разрозненным упоминаниям в исторических хрониках, эпистолографическим источникам и по данным сфрагистики.

Большая часть должностных лиц фемы Диррахий, упомянутых в источниках — это стратиги. Опубликованы печати стратигов: Константина, Феофила (?), Адриана, Феодосия (все IX в.). Еще несколько моливдовулов датируются X в.: Анастасия, Михаила и Петра. Известна также печать Льва, спафарокандидата и *ἐκ πρὸβόλου* Диррахия (IX/X в.). Единственное упоминание о стратиге Диррахия в письменных источниках относится к 915–917 гг.: о протоспафарии Льве Равдухе сообщает Константин Багрянородный. Никаких свидетельств о подчиненных стратигу должностных лицах военной администрации (турмархи, комиты и пр.) в источниках не сохранилось.

О гражданской администрации фемы Диррахий в IX–X вв. также известно крайне мало. Можно констатировать, что при современном состоянии источников, нельзя говорить о существовании здесь судебных и налоговых структур, а также императорских кураторий и таможен. Единственное упоминание о гражданских чиновниках в Диррахии содержится в письме Феодора Студита (около 823 г.). В этом тексте упоминаются нотариусы Георгий и его начальник хартуларий Фома. Однако к каким структурам, провинциальным или столичным, они принадлежали — не ясно.

В источниках сохранились также свидетельства об архонтах Диррахия: в письмах Феодора Студита архиепископу Антонию и игумену Дионисию (20-е гг. VIII в.), в «Тактиконе Успенского» (842–843 гг.), в сочинениях Константина Багрянородного и Продолжателя Феофана. Г. Законом была издана печать Фомы, архонта Диррахия (вторая половина VIII в.). Можно констатировать, что архонты, представители местной знати, активно участвовали в политической жизни, в судебных процессах, привлекались для ведения международных переговоров. Лишь военные функции архонтов в источниках никак не отражены.

В последние годы появились многочисленные исследования, посвященные системе управления фемы Херсон (Н. А. Алексеенко, В. Е. Науменко, Н. И. Храпунов, В. и Н. Зайбт, Ж.-Кл. Шене и др.). Значительное число новых печатей представителей администрации этой фемы (т. н. херсонский архив) позволили пересмотреть ряд укоренившихся в историографии положений, касающихся ее административного устройства. В феме Херсон, также как и в Диррахии, не фиксируется устойчивой военной структуры, нет каких-либо свидетельств о существовании здесь *государственных* судебных или налоговых органов. При этом большую роль в гражданском управлении играли представители местной знати (архонты, протевон и др.). Вопрос о полномочиях архонтов и степень их интеграции в государственные структуры управления остается дискуссионным.

Подводя итоги, отметим, что в отдаленных пограничных регионах империи военно-административные структуры формировались крайне медленно. Числен-

ность военных и гражданских должностных лиц была невелика. В этих условиях представители местной провинциальной знати (фемные архонты) постоянно привлекались для исполнения разнообразных функций, прежде всего, в сфере гражданского управления. Со второй половины X — начала XI в. роль провинциальной знати в местных органах власти начинает уменьшаться. В Диррахии в правление Василия II (976–1025) был создан дукат, а в Херсоне, по всей видимости, на постоянной основе были размещены регулярные военные контингенты.

В. Е. НАУМЕНКО

Таврический Национальный университет им. В. И. Вернадского
(Симферополь, АР Крым, Украина)

**«ОТ ХЕРСОНА ДО БОСПОРА РАСПОЛОЖЕНЫ КРЕПОСТИ
КЛИМАТОВ...» ИЛИ К ВОПРОСУ О ТЕРРИТОРИИ
И АДМИНИСТРАТИВНОЙ СТРУКТУРЕ
ВИЗАНТИЙСКОЙ ТАВРИКИ X–XI ВВ.
(обзор источников)**

В обобщающих работах по истории средневекового Крыма долгое время изучение периода X–XI вв. фактически сводилось к последовательному изложению нескольких исторических сюжетов:

— хронология прекращения хазарского господства в Таврике и восстановления византийского присутствия в горных и приморских районах полуострова;

— Таврика в контексте взаимоотношений Древнерусского государства и Византийской империи в X в., в том числе статус «Корсунской страны» в русско-византийских договорах, херсонский поход князя Владимира в 988–989 гг., время и обстоятельства образования Тмутараканского княжества;

— причины и характер восстания Георгия Цулы в 1016 г. и локализация области «Хазария», архонтом которой он являлся;

— византийско-печенежские взаимоотношения X–XI вв. как важнейший фактор международной политики в Северном Причерноморье

Нужно сказать, что вплоть до недавнего времени все указанные вопросы решались, главным образом, на основе анализа сведений немногочисленного и давно уже определенного круга письменных источников — греческих (Фотий, Николай Мистик, Константин Багрянородный, Продолжатель Феофана, Лев Диакон, Скилица, Анна Комнина, тактикины, нотиици), латинских (Лиутпранд Кремонский), древнерусских (Повесть Временных лет, Иаков Мних) и восточных (Еврейско-хазарская переписка X в., Кембриджский Аноним, Ибн Русте, Ибн Хордадбех, ал-Факих, ал-Идриси), дополняемого изредка эпиграфическими свидетельствами. Современный этап изучения истории средневековой Таврики, в том числе и интересующего нас периода времени, отличается рядом важных особенностей. Во-первых, в последние годы в научный оборот введен значи-

тельный фонд сфрагистических материалов, происходящих из прибрежной зоны Херсонесского и Судакского городищ, а также с территории Боспора и Мангупа, после чего стало возможным предметное изучение собственно административного устройства этой отдаленной провинции Византии. Во-вторых, в современной историографии отмечен рост публикаций результатов раскопок крупных средневековых городских центров полуострова (Боспора, Сугдеи, Тепсеньского и Мангупского городищ, Партенита, Херсона) и появление первых попыток систематизации наших знаний об археологических памятниках X–XI вв., хотя бы в пределах крупных историко-географических зон (А. И. Айбабин, В. В. Майко, Т. И. Макарова, В. Е. Науменко, Л. Ю. Пономарев, А. В. Сазанов).

Несмотря на то, что процесс введения в научный оборот источников продолжается, уже сейчас можно говорить о значительном расширении источниковедческой базы по истории Таврики X–XI вв. и необходимости ее систематизации. При этом речь идет не только о создании максимально полного реестра вещественных источников, их картографировании, установлении объективной хронологии каждого комплекса, а затем синхронизации полученных результатов в пределах памятника и, в конечном итоге, всего полуострова, но и о ревизии, в связи с результатами новых исследований, нарративных свидетельств.

Настоящий доклад посвящен первым результатам такой работы. Предваряя его, необходимо кратко остановиться на содержании термина «Климаты», которым Константин VII Багрянородный в своем трактате «Об управлении империей» обозначил области полуострова, расположенные между Херсоном и Боспором. Проведенный анализ употребления этого топонима в византийских источниках IX–X вв. показывает, что под «Климатами» в широком смысле подразумеваются горные и приморские области Таврики, входившие в состав Византийской империи или традиционно находившиеся в орбите ее политического и культурного влияния, ограниченные территориально крепостями — Херсоном с запада и Боспором с востока, а в более узком значении — административные единицы, на которые делилась данная территория. Важно подчеркнуть, что крепости (города) Херсон и Боспор являлись центрами таких же, как и остальные, климатов.

Еще более географические пределы области Климатов конкретизируются при сопоставлении сведений указанных письменных источников с данными сфрагистики, имеющими отношение к кратковременной истории фемы Климатов на полуострове (841 — начало 50-х гг. IX в.). Из четырех ныне известных печатей ее стратигов (?) наибольший интерес вызывает опубликованный Дж. Несбиттом и Н. Икономидисом моливдовул с остатками надписи «... пяти Климатов», который, по мнению издателей, принадлежит главе византийского военно-административного округа. Такая интерпретация содержания легенды печати означает, что в состав первоначальной византийской фемы в Таврике входило пять административно-территориальных округов («климатов»). Удивительно точно их количество совпадает с числом церковно-административных единиц в Крыму в notiции, составленной в первое патриаршество Николая I Мистика (между 901 и 907 гг.). Здесь в перечне архиепископов, подчиненных Константинопольскому патриарху, отмечены архиереи Херсона, Боспора, Готии,

Сугдеи, Фулл. Таким образом, византийский проект создания фемы в Крыму в середине IX в. подразумевал, по крайней мере, номинально включение в ее состав перечисленных горных и приморских областей. На наш взгляд, такое же содержание топонима Климаты сохраняется и в дальнейшем, по крайней мере, в византийских источниках X в., подчеркивая наличие пяти крупных центров на полуострове в это время — Херсона, Дороса-Мангупа (Готия), Сугдеи, Фулл (Тепсенское городище?) и Боспора.

М. А. ПОЛЯКОВСКАЯ

Уральский государственный университет им. А. М. Горького
(Екатеринбург, Россия)

ВИЗАНТИЙСКИЕ ВОЕННЫЕ ЧИНЫ В КОНТЕКСТЕ СОЧИНЕНИЯ ПСЕВДО-КОДИНА³

Византийский император по давней римской традиции всегда считался главой войска и был для византийцев символом победы над врагами империи. Даже возрожденный в поздневизантийскую эпоху ритуал поднятия василевса на щите перед его инаугурацией свидетельствовал о сохранении в политической концепции тезиса «император-победитель», хотя в действительности император далеко не всегда участвовал в военных кампаниях. Отблеск этой идеи распространялся и на деспотов — сыновей императора.

По Псевдо-Кодину, военная элита Византийской империи эпохи Палеологов была представлена прежде всего архонтами первой группы первого разряда: это великий доместик, великий дука, протостратор и великий стратопедарх. Если оценивать принадлежность к этой группе по родовитости её представителей, то можно заметить, что грань между светской элитой и ними четко не выражена. Среди военных элитной группы мы видим родственников правящей династии. Правда, это не сыновья василевса, как в группе деспотов, а представители более скромных родственных связей. Так, можно назвать брата Михаила VIII Палеолога великого доместика Иоанна Комнина Дуку Ангела Палеолога, зятя Андроника II великого доместика Феодора Ангела Комнина, племянника Андроника II великого дуку Палеолога Филантропина Комнина Сиргианниса (находившегося в родственной близости и с Иоанном Кантакузином). Помимо родни императора, родственниками носителей высших военных чинов были и представители родовитых фамилий — Ангелов, Асаней, Дук, Комнинов, Кантакузинов, Палеологов, Раулей, Тарханиотов. В качестве примера можно назвать великих доместиков Андроника Палеолога Кантакузина, Иоанна Ангела Комнина Палеолога Кантакузина, Димитрия Палеолога, Алексея Рауля.

³ Работа выполнена в рамках ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» (НИР «Византийская империя в периоды расцвета и упадка: политическое и социокультурное измерение», ГК 02.740.11.0578).

Должностные обязанности представителей архонтов названной группы были связаны преимущественно с высшими военными функциями. Великий доместик был главой сухопутной армии. Его резиденция находилась в столице. В период военных действий именно по его приказу трубачи подавали сигнал к началу военных действий (даже если император в это время находился на месте дислокации войск). В обязанности великого доместика входило проведение смотров войска, а также руководство маневрами. Он имел почетное право поднимать свою орифламму раньше, чем будет поднято императорское знамя. Во время боя именно великий доместик осуществлял верховное командование. После военной операции он получал свою часть военной добычи сразу после императора. В службе великого доместика Псевдо-Кодином названы эпитату страту (29 ступень иерархии чинов), великий друнгарий стражи (24), великий аднумиаст (46).

Во главе военного флота империи стоял великий дука. Именно на его галере находилось императорское знамя. В ведении великого дуки находились великий друнгарий флота (32), амиралии (43), протокомит (75), друнгарий (76). Протостратор был главой императорской конюшни, и в этом качестве он принимал участие и в военных кампаниях. Великий стратопедарх был главным интендантом византийской армии.

Дворцовая стража, которую условно можно отнести к военному ведомству, возглавлялась акалуфом (51), примикирием вардариотов, стратопедархом цаконов (68) и стратопедархом муртатов (67). Доместики фем (71,72,73) выполняли скорее административные функции по управлению фемами, но, в соответствии с традицией, их также можно отнести к категории военных чинов.

Псевдо-Кодин, автор трактата «О должностях», был, по всей вероятности, сугубо светским человеком, относившимся к чиновной среде. Представители военных служб, функции которых он не всегда знал, были введены им в общую иерархию архонтов по их значимости при императорском дворе. Сведения обрядника ценны тем, что исполнители военных функций названы им в соответствующей субординации. Хотя военные реалии эпохи Палеологов были скорее печальными, нежели успешными для страны, церемониальные функции военных — от элиты до стражи — создавали иллюзии непобедимости империи, что и являлось главной задачей автора церемониальной книги.

V.J.-A. PRIGENT

Newton International Fellow, Royal Society, British Academy
(Oxford, GB) CNRS, UMR 8167 (Paris, France)

В. Г. ЧЕНЦОВА

Институт Всеобщей истории РАН
(Москва, Россия)

НОВЫЕ ИЗВЕСТИЯ О СУДЬБЕ ПАМЯТНЫХ КОЛОНН КОНСТАНТИНОПОЛЯ

Важнейшими источниками для исследования византийских памятников Константинополя являются поздние свидетельства, принадлежащие побывавшим в Османской империи путешественникам. Западный мир в XVI–XVII вв. начинает живо интересоваться «древностями» Восточной империи, описывая или изображая их. Эти рисунки и тексты стали существенным дополнением византийского корпуса Πάτρια Κωνσταντινουπόλεως. Памятные и триумфальные колонны, посвященные императорам и их победоносным или благочестивым деяниям, привлекали особое внимание любителей имперских древностей. В XVII столетии из древних колонн Константинополя еще сохранялись два из великолепных памятника: порфировая колонна Константина (впрочем, еще в XII в. утратившая венчавшую ее статую императора и сильно пострадавшая во время пожаров) и колонна Аркадия со спиральными рельефами, прозванная европейцами «historicall columne»/«colonna istoriata». Непонятные изображения и надписи на колоннах предания связывали с загадочными предсказаниями о судьбах Константинополя. Не удивительно, что повреждения этих памятников во время стихийных бедствий и пожаров еще больше воспламеняло воображение и воспринималось современниками как знак грядущих событий и перемен.

Исследования документов архива Посольского приказа Российского государственного архива древних актов (РГАДА) позволили обнаружить доселе не привлекавшие внимания византинистов источники, позволяющие дополнить патриографические тексты о памятниках византийской столицы. В фондах РГАДА собраны документы по истории связей России с Христианским Востоком, представляющие собой непрерывные серии практически без лагун с 1626 г. (время последнего пожара, из-за которого была утрачена более ранняя документация приказа). В греческих грамотах и записях «распросных речей» путешественников порой содержатся и сведения о постройках Константинополя. Часто эти сообщения связаны с известиями о стихийных бедствиях, разрушивших те или иные сооружения (церкви, дворцы, колонны, мечети). Изучение документов за годы, отмеченные сильными пожарами или землетрясениями, позволяют собрать наибольшее количество сведений о судьбах строений византийского времени.

Работа над «патриографическими» текстами документов РГАДА была начата с материалов, относящихся ко второй половине 1648 г. Сильнейшее землетря-

сение с эпицентром в Трансильвании, происшедшее 21 июня 1648 г., затронуло османскую столицу и вызвало значительное количество жертв и разрушений. Сведения об этом событии попали в греческие вестовые письма, присланные в это время в Москву, и в устные рассказы приезжавших греков, зафиксированные по-русски служащими Посольского приказа. Особое внимание в связи со стихийным бедствием греки обратили на показавшееся им значимым событие — падение двух «столпов», — явно свидетельствующее о том, «будто Царьград хочет разоритца» и «погинути скрозь землю».

Надо отметить, что известия о разрушениях и падении «столпов» попали в Россию опосредованным путем: рассказы о «великом трусе» (φοβερῶτατον σεῖσμός) обнаруживаются в письмах, привезенных из Ясс. В грамоте константинопольского патриарха Иоанникия II царю Алексею Михайловичу (Ф. 52. Оп. 2. № 310, июль 1648 г.) говорится о падении двух колонн: одна из них находилась на Аврет-базаре (или, как перевели в приказе, «в Женском ряду» — на рынке невольниц), то есть на бывшем форуме Аркадия, а вторая — на Атмейдане («на Конской площадке»), то есть на Ипподроме. О колонне Константина, известной как «обожженная колонна» или «опоясанная колонна» (Çemberlitas), в грамоте рассказывается следующая легенда, объясняющая происхождение на ней креплений: некие иудеи прельстили турок, позволивших им обжечь колонну для снятия с нее позолоты. После этого сами же иудеи были вынуждены «опоясать» колонну обручами (ὡς τῆν δαίσωσι). Известие письма о существовавших в то время металлических креплениях колонны подтверждает сообщение об этих «обручах» де Бово 1605 г. Кроме того, оно в точности воспроизводит легенду об иудеях, желавших завладеть сокровищами «греческих императоров» и уговоривших султана поджечь колонну, которая известна из сочинения Павла Алеппского о путешествии антиохийского патриарха Макария.

Грамота патриарха Иоанникия, написанная в Яссах писцом иереем Николаем Армириотом и, видимо, там же подписанная, является имитацией патриаршего послания. Она была привезена в Россию архимандритом янинского Успенского монастыря Иеремией и афонским эсфигменским архимандритом Анфимом, которые в устных рассказах сообщили о том, что падение «каменого столпа», поставленного «при царе Костянтине», и другого, устроенного «при царе Аркадье и при царице ево Феодосье» (имеется в виду преемник императора Аркадия Феодосий II) является знаком скорого возвращения «Турской земли» под власть христианского государя. Так же истолковывали землетрясение и падение «столпов» в вестовых письмах из Молдавии великий архимандрит Венедикт, Юрий Остафьев Бака и Фома Юрьев Бирос.

Казалось бы, свидетельства этих источников позволяют с уверенностью датировать 1648 г. разрушение колонны Аркадия (окончательно снесенной в 1715 г.). Однако путешественники видели этот памятник и изображали его еще в 1649–1685 гг.! Павел Алеппский описал «столб» на Аврет-базаре «с изваянными изображениями крестов, ангелов и святителей». В 1670 г. колонна была зарисована, как предполагается, для французского посла Нуантеля. На изобра-

жении, также как и на иллюстрации, опубликованной в 1680 г. Ш. Дюканжем, хорошо видны широкие трещины. Но и они не были последствием лишь землетрясения 1648 г.: эти трещины обнаруживаются уже на рисунке 1574 г. из Тринити колледж в Кэмбридже. Изображение колонны Константина из той же коллекции Тринити колледж позволяет насчитать семь порфировых барабанов (из имевшихся изначально девяти, украшенных статуей), в то время как в настоящее время колонна имеет шесть барабанов. Таким образом, если землетрясение 1648 г. и нанесло ущерб двум византийским колоннам, он не был настолько существенным, чтобы можно было говорить об их падении и даже о том, что «теми столпами многие люди побилло».

Причины распространения слуха о знамении — крушении колонн — нуждаются в дальнейшем исследовании. Вероятно, преувеличение повреждений этих памятников, истолкованных как знак грядущего освобождения Царьграда, в среде греков из Ясс, ведущих переписку с Москвой, было связано с их стремлением убедить русский двор в необходимости перехода России к антиосманской политике. Позиция московской политической элиты могла сыграть существенную роль в создании антиосманской коалиции в то время, когда Венеция в одиночку вынуждена была вести войну против Порты за Крит. Не исключено, что известия о гибели загадочных колонн, в том числе *порфировой* колонны Константина, являются аллюзией на легендарное пророчество с *порфирового* «гроба Константина», широко распространившееся благодаря публикации его текста в «Хронографе» Псевдо-Дорофея Монеувасийского (Венеция, 1631).

Л. В. СЕДИКОВА

Национальный заповедник «Херсонес Таврический»
(Севастополь, Украина)

А. РАБИНОВИЦ

Техасский университет
(Остин, США)

ЮЖНЫЙ РАЙОН ХЕРСОНЕСА В X–XI ВВ.

В течение длительного периода существования Херсонес подвергался многочисленным перестройкам и связанным с ними нивелировкам поверхности. Сохранившиеся археологические остатки не всегда адекватно отражают состояние города в те или иные периоды его истории. В этом отношении Южный район не является исключением. За время его исследования с конца XIX в и до настоящего времени, здесь выявлены строительные остатки с III в до н. э. до XIII в н. э. Последнее масштабное строительство относится к концу XI — началу XII в. При этом, застройка предыдущей фазы была практически уничтожена, что значительно усложняет попытки её реконструкции и описания. И, тем не менее, в на-

шем распоряжении есть некоторые материалы, позволяющие охарактеризовать состояние данного участка в X- XI вв.

В период «темных веков» район, по всей вероятности, находился в состоянии запустения. Главное общественное сооружение района — водохранилище, было засыпано и прилегающая территория, скорее всего, представляла собой пустырь.

Здесь же, на пустыре, было устроено кладбище, состоящее из каменных гробниц и захоронений в грунтовых могилах. Храма, связанного с этим кладбищем не обнаружено. В дальнейшем, после середины XI в., на месте раннего кладбища был построен маленький храм, в котором совершались погребения. При этом, часть ранних захоронений была перенесена в коллективные могилы при позднем храме. В непосредственной близости с кладбищем открыта водосборная цистерна, засыпанная материалом X–XI вв.

Постройки X–XI вв. на исследованном участке Южного района не сохранились. От них остались лишь заглубленные в пол сооружения с утрамбованными полами, засыпанные во время строительства зданий последней фазы. Это заглубленное сооружение на месте общественного здания, входившего в комплекс водохранилища, углубленный «подвал» в засыпи водохранилища, а также два заглубленных сооружения на месте жилых помещений в соседнем квартале. Интересно отметить находку захоронения младенца под полом одного из этих сооружений. К этой же фазе относится очаг, располагавшийся на месте будущего внутреннего двора. Слой интересующего нас времени был обнаружен на месте поперечной улицы, расположенной с северо-восточной стороны квартала. Судя по находкам остатков вкопанного пифоса, в X–XI вв. это пространство вряд ли представляло собой улицу.

Археологический материал из слоя разрушения на улице и из мусорных насыпей заглубленных построек представляет собой интересный комплекс находок, бывших в употреблении у жителей района в X- XI вв.

Это кровельная черепица и пифосы местного производства, амфоры причерноморского типа, а также типов Günsenin I- II, кувшины с плоскими ручками, поливная посуда типа GWW II и полихромная, красноглиняная посуда со шлифованным орнаментом, единичные находки тарелок с росписью люстром, кухонная керамика, стеклянные браслеты, шиферные пряслица, монеты.

К сожалению, сохранность слоя не дает нам возможности представить развернутую картину жизни Южного района в X- XI вв. Однако, по имеющимся данным, здесь находилось несколько жилых построек и кладбище. Находки отражают разнообразные экономические связи города с такими регионами, как Южное Причерноморье, Константинополь, район Подонья- Приазовья, Киевская Русь, а также Малая Азия.

В. А. СИДОРЕНКО

Крымское отделение Института Востоковедения НАН Украины
(Симферополь, АР Крым, Украина)

ИСТОРИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ ИОСАФАТО БАРБАРО О СРЕДНЕВЕКОВОЙ ТАВРИКЕ (к определению жанра)

Венецианец Иосафато Барбаро (ок. 1413–1494 гг.) известен как автор сочинений «Путешествие в Тану» и «Путешествие в Персию», написанных между 1488 и 1492 гг. (по его библиографической справке) и опубликованных спустя полвека (*Barbaro I. Voiaggi fatti da Venetia alla Tana. Venetia, 1543*).

Невольно задаешься вопросом, что мог написать автор, начав работу над трудами по воспоминаниям, в своем семидесятипятилетнем возрасте? Трудно назвать равного ему по отсутствию правдивости в сообщавшейся им информации. Справедливости ради, следует заметить, что многими заблуждениями в трактовке истории и исторической географии Крымского полуострова мы обязаны доверчивости историков к сообщениям Иосафато Барбаро.

Попробуем рассмотреть критически его исторические заметки.

Во-первых, почти все данные о событиях в Крыму, предшествовавших овладению полуостровом османами, в изложенном И. Барбаро рассказе, кроме реальных фигур Эминакби (Эминек бея), Менгли Гирая, Мордасы (Муртазы) и факта взятия Кафы и то претерпевших значительные искажения и путаницу в передаче имен и топонимов — избобилуют домыслами и порой неверно отображают события.

Как известно, возглавлявший влиятельный род Ширинов бей Эминек унаследовал главенство в роду и титул беглербея правого крыла улуса Джучи от отца Тегине бея Ширинского, который пользовался значительной властью в Орде, особенно возросшей после смерти беглербея левого крыла Идики (Едигея). Так же, как Тегине своей властью, силой и авторитетом он оказал в свое время значительную поддержку утверждению Хаджи Гирая на ханстве в Крыму; поддержка Эминека имела решающее значение в борьбе за престолонаследие между сыновьями Хаджи Гирая после его смерти в 1466 г. В 1473 г. после смерти Мамака (Мамая), татарского тудуна Кафы, последовало назначение Менгли Гирая по соглашению с кафинским советом на должность тудуна Кафы Эминека Ширинского, но уже в следующем 1474 г. произошла замена Эминека на Сертака (Сайдага), сына Мамака. Поддавшись нажиму кафинской администрации и отстранив от должности Эминека, Менгли Гирай настроил его против себя.

Примерно таковым было объяснение причин османского завоевания Каффы и другими современниками, с той разницей, что к султану обращалось большинство татар, которые восстали против хана.

Согласно же Барбаро, Эминек не был в обиде на Менгли Гирая, но был рассержен действиями Кафы, обратившись к османскому султану с предложением военной силой присоединить Каффу и территории генуэзцев в Крыму к владению

ям султана. Подобное объяснение событий возможно лишь в случае, когда судьба не принадлежавших генуэзцам территорий княжества Феодоро опускается из внимания. В изложении Барбаро на территории Крыма не существует других владений, кроме татарских и генуэзских; не признается и существование Крымского ханства, а сам Крым представляется под властью хана Большой Орды, а Сартак замещается Менгли Гираем, не названным ханом. Оказавшийся в плену у султана, Менгли Гирай был возвращен в ставшую турецкой Кафу в качестве заложника благодаря народной любви к нему, снявшей экономическую блокаду Эминека. При таком обилии домыслов, включающих и родственную связь Эминека с Менгли Гираем, и заточение султаном Менгли Гирая, и убийство им Эминека для овладения властью, трудно поверить в то, что они не принадлежат к категории исторической фантастики. Поскольку же Барбаро являлся современником этих событий, его сочинение не было оставлено без внимания потомков.

Примечательно, что Барбаро сообщает о своем источнике информации о Крыме времени захвата его османами — генуэзце Антонио да Гваско.

Генуэзская фамилия Гваско (Гуаско) хорошо известна в Крыму, а благодаря сохранившимся 22 документам (с 23 августа 1474 г. по 10 января 1475 г.) по возбужденному солдайским консулом «делу братьев Гуаско»; известен и сам Антонио да Гваско, владелец селения и замка Тасили в окрестностях Солдаи, отказывавшийся подчиняться консулам Кафы и Солдаи.

Как видно из других источников, семья Гваско была одной из наиболее состоятельных в округе Каффы и Солдаи, пользовалась известностью и влиятельностью даже в Генуе. Так Консул Солдаи Христофор ди Негро в одном из писем отмечает ее особое положение: «Как велико и как значительно было здесь богатство того Антонио, может быть засвидетельствовано вам, светлейшие господа, моими предшественниками по должности...».

И здесь мы вновь должны говорить о недостоверности сведений Барбаро.

Он подробно сообщает о маршруте Антонио ди Гваско морем в Грузию, а оттуда в Тебриз, что должно убеждать читателя в достоверности их встречи: «... затем бежал по морю в Грузию, а оттуда пришел в Персию как раз в то время, когда я был там» (§ 47). Не говоря о странности маршрута, включающем пешее передвижение, мы можем утверждать, что встреча Барбаро с Антонио ди Гваско не могла состояться. Причина тому — смерть Антонио ди Гваско, наступившая задолго до событий осады Кафы османами в 1475 г. В рапорте от 21 декабря 1474 г., адресованном правлению Банка св. Георгия, солдайский консул писал: «Сыновья покойного Антонио Гуаско ...». Судя по другому его сообщению с отсылкой к консульствам предшественников, смерть Антонио ди Гваско произошла в первый год консульства Христофоро ди Негро, заставшего его еще живым. Можно понять, что отсылка Барбаро к рассказу Антонио ди Гваско — своеобразный литературный прием, а имя наиболее богатого и авторитетного генуэзца в колонии Каффы оказалось избранным Барбаро только в силу его популярности и известности со времен пребывания Барбаро в Тане, тогда как сведениями о смерти Антонио ди Гваско он, очевидно, не располагал.

Как представляется, многие эпизоды из сочинений Иосафато Барбаро, это

вымышленные события и ложная отсылка к источникам информации требуют внимательного отношения в первую очередь к определению жанра его творчества. При чтении обнаруживается, что достоверные сообщения у Барбаро чередуются с вымыслом, абсурдом, или даже элементами юмора.

В то же время, очевидно, сознательно искажаются имена, названия мест; последним зачастую даются полностью несоответствующие переводы и т. п.

Даже имея дело с русским переводом (Барбаро и Контарини о России: К истории итало-русских связей в XV в. Л., 1971, с. 64–85), благодаря его корректности мы можем заметить неестественное сочетание языковых оборотов.

В целом жанр произведений Иосафата Барбаро более относится к художественно-фантастическим с элементами юмора и политической сатиры, а также откровенной пародии на описания путешествий. Под таким углом зрения становятся понятны и присутствующие в заметках отдельные шуточные эпизоды.

По словам Л. Колли: «Первые генуэзские историки, писавшие о Крыме (Giustiniani, Sera, Oderico и др.), ...основывали свои повествования на сообщениях ... Иосафато Барбаро, никогда не бывавшего в Крыму». Из реляции И. Барбаро почерпнул свои сведения, однако, без указания источника, и генуэзский путешественник и историк Canale. Сочинение последнего, равно как и реляция И. Барбаро, служили главными источниками для всех исторических работ о Крыме в течение всего XIX столетия.

Заметим также, что приписываемая Л. Колли Иосафату Барбаро вина в исторических неточностях авторов XIX в. (отчасти заимствованных и более поздними авторами) не может инкриминироваться ему, т. к. это вытекает из неверного определения жанра его произведений.

В то же время даже определяя художественный характер «исторических» заметок И. Барбаро все еще остается ряд вопросов, ответы на которые требуют дополнительного рассмотрения.

Например, вполне очевидно, что Барбаро (Варвар) является лишь его псевдонимом. Возможно ли сопоставляя приводимые им биографические данные с кругом доступных источников выяснить настоящую фамилию автора «Путешествий»? Другой вопрос — насколько правдивы сообщаемые Барбаро биографические данные, согласно которым он прибыл в Тану в 1436 г. и находился там в течение 16 лет (Путешествие в Тану, § 4). После возвращения в Венецию он был направлен правительством республики в Далмацию в качестве финансового ревизора, а в 1465 г. переведен в Албанию в качестве командующего войсками и дипломата. Отозванный оттуда в 1470 г. он пребывал на государственной службе в Венеции, а в 1474 г. возглавил посольство к Узун Хасану в Тебриз, где находился до 1479 г. С 1482 по 1485 гг. управлял венецианской Плезине, после чего до конца жизни занимал высокие административные должности в правительстве Венецианской республики.

Таким образом, существенно умаляя достоинства трудов Иосафато Барбаро как исторического источника, мы открываем в них талантливые, еще недостаточно оцененные современным читателем литературные произведения, наполненные юмором, блистательной шуткой, социальной и политической сатирой.

В. П. СТЕПАНЕНКО

Уральский государственный университет им. А. М. Горького
(Екатеринбург, Россия)

ФАРЕСМАН АПОКАП⁴

В 2006 г. И. Иорданов издал печать Фаразмана, протоспафария и стратига Струмицы, из коллекции Национального Археологического музея в Софии, купленную в Стамбуле.

Он же перечислил вероятных собственников печати. Это 1. Фаресман, спафарокандидат и таксиарх, для которого в 1043 г. в Ивионе монах Феодосий переписал рукопись гомилий Иоанна Златоуста. 2. Вестарх Фаресман, сын дуки Михаила завещания Евстафия Воилы (1059). 3. Вест Фарасман Апокап, родом ивир, (Прод. Скилицы) или армянин (Атталиата), оставленный Романом Диогеном в Мембидже (1069).

Он же упоминает печати Симеона Фаресмана, Константина Фаресмана (?), Апокафа Фаресмана, протоспафария и стратига, вероятных потомков Фаресмана, так как его имя было принято ими как патроним. Болгарский исследователь крайне осторожно предположил, что Фаразман 1–3 мог быть одним и тем же человеком на разных этапах его карьеры. Это возможно, но недоказуемо, как и причисление Фаресмана к Апокапам.

Весьма вероятно, что тому же Фаресману принадлежит печать, изображение которой любезно предоставил нам М. Бутырский. Она прошла на одном из интернет аукционов и нынешнее местонахождение ее неизвестно. Л. с. Богоматерь Никопея, погрудно, держащая перед грудью медальон с младенцем Христом. По сторонам титлы. О. с. шестистрочная надпись «+Богородица, помоги рабу твоему Фарасману, патрикию анфипату, Апокапу».

В пользу того, что собственником печати мог быть Фаразман, стратиг Струмицы, свидетельствует тип изображения на л. с. обеих печатей. Обычно оно избирается собственником печати и, за редкими исключениями, сохраняется вплоть до завершения его карьеры. Так на л. с. печатей брата (?) Фаразмана Василия Апокапа это образ св. Василия). В данном случае это Богоматерь Никопея. Как следствие, весьма велика вероятность того, что именно Фаресман Апокап мог быть стратигом Струмицы на более раннем этапе своей карьеры. Связь спафарокандидата и таксиарха Фаресмана с Ивионом (1043), путаница современных ему византийских авторов в определении этнической принадлежности веста Фаресмана Апокапа 1069 г. также свидетельствуют о том, что, вероятнее всего, мы действительно имеем дело с одним и тем же лицом, выходцем из Тао. Часть таосской аристократии (Пакурианы, Чортванели, Цоцикии, Апукапы) к 1000 г. катвелизировалась, сохраняя еще смутные признаки армянского про-

⁴ Работа выполнена в рамках ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» (НИР «Византийская империя в периоды расцвета и упадка: политическое и социокультурное измерение»), ГК 02.740.11.0578).

исхождения предков, и после аннексии Южного Тао Византией была выселена вглубь империи. В пользу того, что к этому времени они как минимум в культурном плане считали себя грузинами, свидетельствует их православие и связи с Ивионом, прослеживаемые для всех четырех родов. В то же время имя Фарзман- не было столь уж уникально для Тао Кларджети. Известно, что Фаресман, по видимому, Тмогвели, погиб во время взятия Ахалкалаки войсками Великого Сельджукида Алп Арслана в 1064 г, будучи владельцем Тмогви в грузинской части Тао и вассалом царя Грузии Баграта IV. Но, создается впечатление, что со-временные хронисты упоминают в 40–60 гг. XI в. Фаресмана с патронимом или без него, как представителя ранее грузинского, а после 1000 г. уже византийского рода армянского происхождения на византийской службе. Наличие омонимов маловероятно. Как следствие, *cursus honogum* Фаресмана Апокапа в настоящее время может быть представлен следующим образом:

1043 г. спафарокандидат и таксиарх (Ивион).

50 е. гг. протоспафарий и стратиг Струмицы (печать)
анфипат патрикий (печать)

1069 г. вест (Прод. Скилицы. Атталиата)

Е. В. СТЕПАНОВА

Государственный Эрмитаж
(Санкт-Петербург, Россия)

ПЕЧАТИ С ТОПОНИМОМ Η ΔΥΣΙΣ⁵

Топоним η Δύσις в византийской сфрагистике обычно связывается с печатями военных чиновников очень высокого ранга, командующих всей армией Запада — доместиков *схол* (после 1071 г. просто доместиков). Эта должность, вместе с должностью доместика *схол* Востока, появилась при императоре Романе II (959–963). Печатаей доместиков известно сравнительно много, и, что особенно важно, их владельцы благодаря своему высокому положению, как правило, достаточно хорошо известны по другим источникам. Совокупность источников позволяет составить их перечень. Понятие «Запада» вполне определённо на печатях доместиков: оно означает, что в ведение этого военачальника входили территории к западу от Константинополя, включая Фракию и Македонию.

Наряду с печатями доместиков известны печати и других чиновников τῆς Δύσεως: архегета (XI в.), коммеркиариев (IX–X в.), хартуляриев *дрома* (IX/X–XI/XII вв.), *эбдомария* (XI в.), *эксисота* (XI в.), служащего в управлении Запада (первая половина IX в.) и ряд других. Их функции и «встроенность» в административную систему империи не всегда понятны. Смысл географического

⁵ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «Византийские печати с географическими названиями из собрания Государственного Эрмитажа, проект № 08-01-00318.

названия «Запад» на печатях этих чиновников также неясен. Предполагают, что оно могло охватывать не всю территорию к западу от Константинополя, а только ее часть, но непременно на Балканах.

М. В. СТУПКО
Е. Я. ТУРОВСКИЙ

Национальный заповедник «Херсонес Таврический»
(Севастополь, Украина)

О ДАТИРОВКАХ ЛИТЫХ МОНЕТ ХЕРСОНА

Относительно хронологии и принадлежности отдельных монет к тем или иным правлениям существуют разные точки зрения. Обратимся к наиболее вероятной последовательности литых выпусков Херсона и их хронологии, исходя из типологических, технологических и стратиграфических моментов. На наш взгляд, начало выпуска литой монеты в Херсоне следует отсчитывать от редкого, но достаточно хорошо представленного в музейных собраниях и частных коллекциях анонимного выпуска, подражающего херсонским полуфоллисам второй половины VI — первой половины VII вв. Такой же выпуск, имеющий дифферент В, скорее всего, относится ко времени Вардана Филиппика во время его пребывания в Херсоне (до 711 г.), а монеты с легендой DN TH — к правлению Феодосия III (716–717 гг.), а не Феофилу. В начале VIII в. латинская легенда на византийских монетах вполне допустима, в начале IX в. уже нет. Нам представляется, что лагуну между литыми выпусками начала VIII и литьем начала IX в. способны заполнить монеты двух типов: первый — с обеих сторон букву П; второй — на лицевой буква П, на оборотной буква Х. Относительно монет с П-П И. В. Соколова справедливо отмечала, что затрудняясь их прочесть, они, несомненно, никоим образом не могут быть привязаны к императорским именам или титулам и скорее заключают какие-то термины муниципальной организации. В этой связи очень интересны наблюдения Н. А. Алексеенко на основании изучения вислых печатей херсонесских чиновников он делает предположение о существовании в Херсоне устойчивой традиции в административной сфере от юстиниановской эпохи и до X в. и в частности о должности патера полиса, быть может, тут и лежит значение букв П-П. Выпуски IX в., вероятно, открываются монетами с N-П и крестом. Затем следуют выпуски с одинаковым типом креста на реверсе и буквами М, А и П. Относительно атрибуции букв П и А возможны различные варианты. За П, если верна наша предыдущая догадка, может скрываться все тот же патрон полиса, за А, как это считает В. А. Анохин, должность архонта, М — первая буква имени императора, Михаила. Подчеркнем, что определить какой из Михайлов скрывается за буквой М, как и сказать вслед за В. А. Анохиным, что монеты с одинаковой формой креста выпускались одновременно, а не последовательно, на наш взгляд, вряд ли возможно. Затем следовал выпуск императоров Михаила III (842–867 гг.) и Василия I Македонянина

(867–886 гг.). Поскольку соправителями они были в 866–867 гг. тогда же, надо думать, осуществлялся и херсонесский выпуск. К единоличному правлению Василия I относится ряд выпусков, лицевая сторона которых имеет первую букву имени императора — В. На оборотной стороне большинства монет Π^ο πολ^ις. В ряде случаев как В, так и Πο сопровождают изображения небольших крестов. На последнем этапе этого правления в Херсонесе появляется устойчивый тип монеты с сокращением имени императора и архангельским крестом на Голгофе. Василию наследовал Лев VI (886–913 гг.). Выпуски его отмечены двумя группами — временем единоличного правления (886–911 гг.) с буквами ΛΕ и соправления с Александром (911–913 гг.) с буквами ΛΑ. Следом начинается длительное правление Константина VII Багрянородного (913–959 гг.), при котором выпуск литой монеты в Херсонесе имел несколько этапов. К первому этапу во времена, когда император был в весьма юном возрасте, относятся монеты с мужским портретом на лицевой и женским на оборотной стороне. Затем следует очень редкий выпуск, где мужской портрет сопровождают буквы Ρ и Ο, а женский Χ и Ρ. Затем ряд выпусков с разными монограммами имени Роман. Возвращение к власти Константина VII знаменовалось выпусками монет с первыми буквами имени императора на аверсе и его портретом или крестом на Голгофе на оборотной. Крест имеет опущенную правую лапу. Точно такой же крест на следующем по времени выпуске Романа II. В это же правление (ближе к финалу) выпускались монеты с монограммой Романа и его сыновей — Константина и Василия. На этих выпусках впервые появляется точечный ободок по краю поля монет. Такой же ободок наблюдается и на последующих выпусках Никифора Фоки и Иоанна Цимисхия, где встречаются экземпляры и с точечным ободком, и с обычным. На монетах единоличного правления Василия II точечный ободок уже обязательный элемент. В период совместного правления Василия II и Константина VIII выпускаются как монеты прежнего типоразмера, так и нового (двойного) типоразмера. Такие же крупные монеты выпускаются при Романи III и, вероятно, его приемниках. Финальные литые монеты с Ρω XIII в. выпускались, по мнению Алексеенко, по стандарту медных сельджукских дирхемов.

T. TODOROV, K. ANDONOV

Konstantin Preslavsky University of Shumen
(Shumen, Bulgaria)

**THE SEALS OF BYZANTINE *GENIKOS LOGOTHETAI* FROM
BULGARIA, CRIMEA AND KIEVAN RUSSIA — CONTRIBUTION
TO THE HISTORY OF THE IMPERIAL CENTRAL FISCAL
DEPARTMENT IN THE 9TH — 10TH CENTURIES**

The main aim of the paper is to present and summarize the information from the known seals (more than 130 specimens) of Byzantine logothetai of the genikon originating from Bulgaria, Crimea and Kievan Russia. The following aspects have been examined:

1. General historical survey of the Byzantine financial institution Logothesion of the genikon and the place and role of its titular — the logothetes of the genikon;
2. Presentation of the quantitative and qualitative parameters of the seals of logothetai of the genikon from Bulgaria, Crimea and the territory of Kievan Russia;
3. The significance of the seals of logothetai of the genikon as historical sources in the following lines:
 - a. an attempt for a partial reconstruction of the chronological order of the individuals at the head of the Logothesion of the genikon in the 9 th-10 th c.
 - b. the significance of the logothetes of the genikon in the political and economic life of Byzantium and the place of the logothetai of the genikon in the imperial rank hierarchy;
 - c. determining the specific features of the intensity of the correspondence of Byzantine logothetai of the genikon during the two centuries to Bulgaria (and its neighbouring themes), theme Chersones and the former territory of Kievan Russia;
 - d. the seals of Byzantine logothetai of the genikon as part of the general stream of sources for the history of the northern sector of the Byzantine policy in the 9 th — 10 th centuries.

Н. И. ХРАПУНОВ

Крымское отделение Института Востоковедения НАН Украины
(Симферополь, АР Крым, Украина)

ДОЛЖНОСТИ С АРХАИЧНЫМИ НАЗВАНИЯМИ В ВИЗАНТИЙСКИХ ГОРОДАХ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ IX–XI ВВ.

Источники второй половины IX–XI вв. фиксируют в некоторых провинциальных городах ряд должностей, характерных для более раннего времени. В Далмации это *городские трибуны*, в Диррахии — *протевонты*, в Равенне — *патеры*, в Херсоне — *патеры*, *экдикы* и *протевонты*. В это время города Далмации, Диррахий и Херсон входили в состав одноименных военно-административных округов, *фем*, во главе которых стояли назначавшиеся императором *стратиги*. Херсон выделяется тем, что здесь известно сразу несколько «архаичных» должностей. Недавняя публикация печатей херсонских чиновников показывает, что это были официальные названия византийских должностей, признанных империей администраторов города, имевших византийские титулы. При этом ни одна из указанных должностей не упоминается в официальных имперских табелях о рангах IX–X вв.

Должность *трибуна* в далматинских городах эволюционировала из магистратуры *tribunus civitatis*, возникшей в империи еще в VI в. В средневековой Далмации это был глава городского ополчения, имевший некоторые судебные функции.

Для реконструкции функций других чиновников приходится прибегать к ретроспективному методу, поскольку эти должности известны главным образом византийскому законодательству V–VI вв. Разумеется, с течением времени могли происходить какие-то изменения полномочий и принципов назначения.

Патеры фиксируются впервые в Истрии и Ольвии II в. Первоначально это был почётный титул главы городского самоуправления. Впоследствии византийские законы предписывают городским *патерам* заниматься выполнением общественных работ, разбирать незначительные уголовные дела, управлять городскими финансами, подавать императору ходатайства относительно города, выступать докладчиками в народном собрании.

Должность гражданского *эдикта* возникает в имперских городах в IV–VI вв. Тогда к задачам этих чиновников относилась борьба с административными злоупотреблениями, председательствование в городском совете, некоторые фискальные и судебные функции. В Херсоне эта магистратура сохранилась дольше, чем где бы то ни было.

Наконец, термин *протевонты* (впервые фиксируется в Томах в конце II — начале III в.) поначалу не был названием должности. Так именовали лидеров курии — городскую знать. В конце V–VI вв., *протевонты* избирали и контролировали муниципальных должностных лиц, выдвигали трёх кандидатов на пост епископа города, выполняли поручения византийской администрации. К X в. смысл термина изменился, *протевонт* стал официальным названием должности.

Итак, сохранение должностей с архаичными названиями, связанных с управлением городами, было характерно для многих центров в различных регионах империи. Причем в провинциях Балкан, Италии и Таврики, где известны такие должности, и в целом наблюдается больший консерватизм в системах управления по сравнению с Малой Азией. В Херсоне эти должности функционировали как минимум с VIII — начала IX вв., когда управление не было централизовано в рамках *фемы*, а возникли, вероятно, еще раньше; в частности, *патер* фиксируется надписью конца IV в. Равеннские *патеры* попадают в документы с VI–VII вв. Конечно, функции и принципы назначения на должность могли меняться с течением времени, как это произошло с *протевонтами*.

Источники противопоставляют херсонских *протевонтов* и *патеров* назначенному из центра византийскому *стратигу*. *Протевонт* Диррахия также упомянут в контексте, описывающем конфронтацию с империей. Хорошо известно и самостоятельное поведение далматинских городов. Однако эта самостоятельность была относительной. Так, по словам Константина Багрянородного, *патеры* и *протевонты* Херсона подчинялись *стратигу фемы*. Вероятно, то же самое справедливо и для далматинских *трибунов* и *протевонтов* Диррахия. Если исходить из реалий законодательства IV–VI вв., можно предполагать, что и в IX–XI вв. *патерами*, *эдиктами* и *протевонтами* были местные уроженцы, причем при их назначении на должность учитывалось мнение городской общины; местное происхождение далматинских *трибунов* сомнений не вызывает. Это соответствует обычной византийской практике — использовать местных жителей на средних и нижних должностях в *фемной* администрации. После учреждения *фем* в Диррахии, Херсоне и Далмации в IX в. административный аппарат стал более разветвленным и централизованным, а архаичные должности были поставлены в подчиненное по отношению к *стратигу* положение. Таким образом, горожа-

не продолжали играть определенную роль в управлении ряда провинциальных византийских городов; существовала известная преемственность государственной администрации IX–XI вв. от органов власти предшествующего времени.

Полученные сведения о должностях с архаичными названиями противоречат двум новеллам Льва VI (886–912 гг.), отменившим право курий самостоятельно управлять городами и избирать некоторых провинциальных чиновников. Кекавмен и Анна Комнина говорят о том, что горожане могли участвовать в распределении экстраординарных имперских налогов (первый пишет об одном из балканских городов, вторая — о малоазиатской Амасии). Судя по письмам архиепископа Феофилакта, в Охриде действовал городской совет. Продолжатель Скилицы и «Житие Никона Метаноита» упоминают знатных лиц (*прухонов*), вероятно, принимавших какое-то участие в управлении Скопье и Спартой. Эти данные в сочетании с изложенными выше наблюдениями о некоторых особенностях администрации Херсона, Далмации, Диррахия и Равенны позволяют сделать вывод, что постановления Льва VI в значительной мере остались только на пергаменте. Сохранение элементов городского самоуправления в византийских городах второй половины IX–XI вв. было, по-видимому, принципом, а не частными случаями.

В. Н. ЧХАИДЗЕ

Институт Археологии РАН
(Москва, Россия)

НОВЫЕ НАХОДКИ ВИЗАНТИЙСКИХ ПЕЧАТЕЙ ГЛАВНЫХ ЛОГОФЕТОВ НА ТЕРРИТОРИИ ТАМАНСКОГО ГОРОДИЩА

В настоящее время известны 24 византийских моливдовула, происходящих с территории Таманского полуострова, или связываемых с ним и суммарно датированных VI–XI вв. В большинстве своем они обнаружены на территории Таманского городища (Таматарха, Тмутаракань) (см.: Bulgakova, 2004. №№ 1.2.3, 3.2.1.2.a–c; Степанова, 2007. №№ 6–12; Чхаидзе, Устаева, 2009. №№ 1–6; Чхаидзе, Каштанов, 2009. №№ 1–2).

Среди владельцев печатей можно назвать в VI в.: Григория; в IX в.: Григору, императорского спафария, архонта Херсона; в X в.: Георгия, протоспафария и архонта Херсона; Георгия, протоспафария, императорского нотарию; Петра спафарокандидата; Иоанна; до начала XI в.: Константина, протоспафария, койтонита, логариаста, «слугу» императора.

Ряд моливдовулов имеет церковное происхождение в X в.: Григория, монаха, кувклисия и экзарха; в XI в.: Афанасия монаха; Василия, диакона и хартулария; Антония, архиепископа Зихии (3 экземпляра); анонимная печать архиепископа Зихии

Значительная группа печатей (9 экземпляров) принадлежала главным логофетам в IX в.: Сергию магистру; Епифанию, императорскому протоспафарию; Иоанну (?), анфипату, патрикию императорскому протоспафарию; в X в.: Льву;

Григорию, императорскому протоспафарию-хрисотриклиниту; Константину, примикирию (или патрикию); Николаю, магистру, анфипату, патрикию, императорскому протоспафарию; до начала XI в.: Петру, анфипату, патрикию, императорскому протоспафарию. На одной печати X в. читается только должность главного логофета.

Во время работ 2009 г. на Таманском городище были обнаружены еще три свинцовые печати, принадлежавшие главным логофетам, одна из которых происходит из раскопок и две — случайные находки в море.

Владельцем двух булл являлся: Иоанн патрикий, императорский протоспафарий. Обе печати принадлежат одной паре матриц. Аналогий пока не имеют. Возможно, им соответствует печать из судакского архива, имя на которой не читается (Степанова, 2001. Табл. 3.2). Из херсонского архива также происходят еще две печати патрикия Иоанна, с той же титулатурой. Одна — близка рассмотренным, но оттиснута другой парой штемпелей; другая — с изображением Богоматери Никопеи на аверсе (Алексеев, 2003. №№ 18–19). Первой печати из Херсонского архива может соответствовать моливдовул, ранее обнаруженный при раскопках Таманского городища, имя на котором не читается (Чхаидзе, Устаева, 2009. № 2). Из раскопок Судака также происходит моливдовул главного логофета Иоанна, с указанием только чина императорского протоспафария (Булгакова, 2008. № 11). Таким образом, мы имеем ряд печатей Иоанна, который на протяжении второй половины IX — начала X вв. последовательно сменил четыре буллотирия.

Владельцем печати, от которой сохранился лишь фрагмент, являлся Лев примикирий, императорский протоспафарий. Ранее на Таманском городище была обнаружена нижняя часть моливдовула, также приписываемого Льву (Чхаидзе, 2008. № 7). Известен ряд печатей главного логофета Льва, оттиснутые разными буллотириями. Первоначально Лев известен в ранге примикирия, затем примикирия и императорского протоспафария, патрикия и императорского протоспафария, и, наконец, анфипата патрикия и императорского протоспафария (Laurent, 1981. № 321; Zacos, 1984. №№ 202, 209–210; Алексеев, 2003. №№ 25–26; Йорданов, 2004. № 8; Bulgakova, 2004. № 1.2.5; Булгакова, 2008. № 13). Датировка печати — начало X в.

Помимо 12 теперь известных печатей главных логофетов — представителей финансового ведомства, с городища происходит таможенная печать X в. с надписью «переправа». Таким образом, можно утверждать о взимании Империей в Таматархе как государственных податей, так и таможенных пошлин за экспорт и импорт на протяжении IX–X вв. — времени, к которому относится большинство моливдовулов.

В целом, увеличивающаяся в последние годы база византийских печатей VI–XI вв., происходящих из Таматархи–Гмутаракани, позволяет поставить вопрос о существовании в городе архива печатей, аналогичного Херсонскому и Судакскому архивам. Также напрашивается вывод, что, несмотря на влияние Хазарии, а затем Руси, город находился под значительным ромейским влиянием, проявлявшимся в политическом, экономическом, культурном и, конечно, идеологическом доминировании Империи в регионе.

А. В. ШАМАНАЕВ

Уральский государственный университет им. А. М. Горького
(Екатеринбург, Россия)

УЧАСТИЕ Н. Н. МУРЗАКЕВИЧА В ИЗУЧЕНИИ И СОХРАНЕНИИ ХЕРСОНЕССКОГО ГОРОДИЩА

Изучение истории Херсонеса-Херсона и археологические исследования на самом городище давно привлекают внимание исследователей. Среди них заслуживает внимание вклад Н. Н. Мурзакевича, многие годы занимавшегося научными изысканиями и вопросами сохранения этого уникального памятника. Николай Никифорович родился 21 апреля 1806 г. в семье священника из Смоленска. Начало образованию Н. Н. Мурзакевича было положено в Смоленской духовной семинарии (1817–1825). Осенью 1825 г. он был принят в студенты Московского университета на этико-политическое отделение философского факультета. Программа обучения включала разнообразные курсы, читавшиеся ведущими специалистами (А. Ф. Мерзляковым, Л. А. Цветаевым, М. Т. Каченовским, М. П. Погодиным). Университет Мурзакевич окончил 1828 г. со званием «действительного студента». В университетские годы он познакомился с одесситом М. М. Кирьяковым, который в 1830 г. настоял на переезде Николая Никифоровича в Одессу.

В 1831 г. Мурзакевич поступил на должность помощника учителя в Ришельевский лицей. За годы службы в лицее он занимал должности помощника учителя (1831–1836), надзирателя за воспитанниками (1832–1834), учителя всеобщей истории и географии, русской истории (1836–1837), адъюнкта русской истории и статистики (1838–1840), профессора (1840–1853), директора (1853–1857). Кроме этого, Николай Никифорович управлял Одесским учебным округом (1854–1855, 1856), заведовал городской публичной библиотекой (1843–1853) и Одесским городским музеем древностей (1843–1858). Мурзакевич проявил себя как организатор научных исследований, редактор научных и популярных изданий. В 1838–1839 гг. он исполнял обязанности секретаря Общества сельского хозяйства южной России и редактировал его «Листок». В 1839–1841 гг. он занимался изданием «Новороссийского календаря» и «Одесского альманаха». В 1839 г. Мурзакевич принял участие в создании Одесского общества истории и древностей (ООИД). На первом собрании общества он был избран секретарем ООИД, а в 1875 г. — вице-президентом (до дня смерти 15 октября 1883 г.).

После переезда в Одессу Н. Н. Мурзакевич начинает проявлять интерес к изучению древностей Северного Причерноморья. В 1835 г. он опубликовал небольшой каталог греческих и римских монет своей коллекции. Особый интерес в этом издании представляли описание монет Ольвии, Херсонеса, Пантикапея и Боспора. В 1836 г. Н. Н. Мурзакевич издал «Краткую историю древнего Херсона» — очерк, имеющий компилятивный характер, в котором изложены представления об истории этого города, сложившиеся к 30-м гг. XIX в. В этом же

году он совершил поездку по Крыму, а в 1837 г. издал свои путевые заметки, в том числе с описаниями памятников археологии. История итальянских колоний в Крыму стала темой диссертации Н. Н. Мурзакевича (1838).

Попытки организовать охрану и изучение Херсонесского городища ООИД предпринимало еще в 1840-х гг. В частности, Николаю Никифоровичу удалось воспрепятствовать строительству нового здания карантина на территории городища благодаря поддержке великого князя Константина Николаевича. После создания на территории памятника монастыря св. Владимира, на городище периодически проводились раскопки, в которых принимал участие Н. Н. Мурзакевич. Так, в 1852–53 гг., настоятель киновии о. Василий произвел раскопки в центральной части городища. В июле 1852 г. при работах присутствовали Н. Н. Мурзакевич и З. А. Аркас, которые составили план выявленных остатков построек. В 1858 г. Александр II разрешил строительство собора на городище. В 1860 г. раскопки на площадке, предназначенной для размещения храма, произвел о. Евгений. Н. Н. Мурзакевич осмотрел их результаты и опубликовал информацию о них в «Записках» ООИД.

В 1876 г., после начала государственного финансирования исследований на памятнике, Н. Н. Мурзакевич возглавил «раскопчный» комитет. Важно отметить, что до начала работ в ООИД был разработан общий план действий, предусматривавший как программу научной деятельности, так и меры по охране памятника, а также создание музея христианских древностей. Для служителей монастыря, осуществлявших наблюдение за раскопками, Мурзакевич разработал несколько инструкций, которые регламентировали порядок осуществления раскопок и меры по сохранению выявленных объектов. Основные требования можно свести к нескольким положениям: 1) выявленные строительные остатки следовало наносить на «инженерный план»; 2) находки должны были фиксироваться на плане «по кварталам», а обстоятельства их обнаружения — в дневнике раскопок; 3) архитектурные детали подлежали зарисовке; 4) от рабочих требовалось бережное отношение к объектам и запрещалось утаивать артефакты; 5) предусматривались меры по консервации вскрытых фундаментов построек. В 1879 г. Мурзакевич составил особую инструкцию для рабочих. Им предписывалось соблюдать осторожность при расчистке строительных остатков, передавать находки представителям раскопчного комитета, а также сообщать им о случаях хищения предметов и вандализма со стороны посетителей городища. Описание находок и план раскопанных объектов Мурзакевич регулярно публиковал в «Отчетах» ООИД (1876–82).

Заслуги Н. Н. Мурзакевича состоят в том, что он одним из первых приступил к научно-археологическим исследованиям Херсонесского городища, внес существенный вклад в организацию охраны и популяризации памятника.

СОДЕРЖАНИЕ

Алексеевко Н.А. (Севастополь) РОД ЦУЛЫ: ВАРВАРЫ НА ВИЗАНТИЙСКОЙ СЛУЖБЕ? (атрибуция и датировки по данным сфрагистики)	3
Афиногенов Д.Е. (Москва) ИМПЕРИЯ О ВАРВАРАХ: СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЭКСКУРСА О БОЛГАРАХ У ФЕОФАНА, НИКИФОРА И ГЕОРГИЯ МОНАХА	5
Барабанов Н.Д. (Волгоград) ДЕНЬ СВ. ИОАННА. К ИСТОРИИ НАРОДНЫХ ПРАЗДНИКОВ В ВИЗАНТИИ	6
Виноградов А. Ю. (Москва) СТРОИТЕЛЬСТВО В ХЕРСОНСКОЙ ФЕМЕ ПО ДАННЫМ ЭПИГРАФИКИ	8
Евдокимова А.А. (Москва) ГРАВИС И ЕГО ФУНКЦИИ В ГРЕЧЕСКИХ ОКСИРИНСКИХ ПАПИРУСАХ В СОПОСТАВЛЕНИИ С ВИЗАНТИЙСКИМИ НАДПИСЯМИ	10
Завадская И.А. (Симферополь) КАТАСТРОФА В ХЕРСОНЕ НА РУБЕЖЕ ТЫСЯЧЕЛЕТИЙ: ИСТОЧНИКИ ГИПОТЕЗЫ О ЗЕМЛЕТРЯСЕНИИ	11
Kanev N. (Shumen) À PROPOS DU SCEAU D'UN COMMERCIAIRE DE CHERSON DECOUVERT EN BULGARIE ET DE LA PRESENCE BYZANTINE A LA PARTIE OCCIDENTALE DE LA REGION DISPOSEE ENTRE STARA PLANINA ET SREDNA GORA PENDANT LE IXE S	13
Каштанов Д.В. (Москва) К КРИТИКЕ ИЗВЕСТИЙ ОБ УГРОЗАХ ХЕРСОНУ В ПОСЛЕДНЕЙ ЧЕТВЕРТИ XI В	15
Konstantinov K. (Shumen) MEDIÉVAL BULGARIA AND MEDIÉVAL CRIMEA DURING X CENTURY (ACCORDING TO ARCHAEOLOGICAL FINDINGS)	17
Курышева М.А. (Москва) ЗОЛОТОЕ КОЛЬЦО АДМИРАЛА МИХАИЛА СТРИФНА ИЗ ЧАСТНОЙ КОЛЛЕКЦИИ В МОСКВЕ	17
Куц Т.В. (Екатеринбург) ВИЗАНТИЙСКАЯ ИМПЕРАТРИЦА ЕЛЕНА КАНТАКУЗИНА ПАЛЕОЛОГИНА: ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ	19
Максимович К.А. (Москва) ИЗВЕСТИЯ ВИЗАНТИЙСКИХ ИСТОЧНИКОВ О НАРОДЕ РОС В СЕВЕРНОМ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ	20
Мохов А.С. (Екатеринбург) К ВОПРОСУ О СТРУКТУРЕ ВИЗАНТИЙСКИХ ФЕМ В IX – СЕРЕДИНЕ X В	23
Науменко В.Е. (Симферополь) «ОТ ХЕРСОНА ДО БОСПОРА РАСПОЛОЖЕНЫ КРЕПОСТИ КЛИМАТОВ...» ИЛИ К ВОПРОСУ О ТЕРРИТОРИИ И АДМИНИСТРАТИВНОЙ СТРУКТУРЕ ВИЗАНТИЙСКОЙ ТАВРИКИ X-XI ВВ. (обзор источников)	25

Поляковская М.А. (Екатеринбург) ВИЗАНТИЙСКИЕ ВОЕННЫЕ ЧИНЫ В КОНТЕКСТЕ СОЧИНЕНИЯ ПСЕВДО-КОДИНА	27
Prigent V.J.-A. (Oxford - Paris), Ченцова В.Г. (Москва) НОВЫЕ ИЗВЕСТИЯ О СУДЬБЕ ПАМЯТНЫХ КОЛОНН КОНСТАНТИНОПОЛЯ	29
Седикова Л.В. (Севастополь), Рабинович А. (Остин) ЮЖНЫЙ РАЙОН ХЕРСОНЕСА В X – XI ВВ	31
Сидоренко В.А. (Симферополь) ИСТОРИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ ИОСАФАТО БАРБАРО О СРЕДНЕВЕКОВОЙ ТАВРИКЕ (к определению жанра)	33
Степаненко В.П. (Екатеринбург) ФАРЕСМАН АПОКАП	36
Степанова Е.В. (Санкт-Петербург) ПЕЧАТИ С ТОПОНИМОМ Η ΔΥΣΙΣ	37
Ступко М.В., Туровский Е.Я. (Севастополь) О ДАТИРОВКАХ ЛИТЫХ МОНЕТ ХЕРСОНА	38
Todorov T., Andonov K. (Shumen) THE SEALS OF BYZANTINE GENIKOS LOGOTHETAI FROM BULGARIA, CRIMEA AND KIEVAN RUSSIA – CONTRIBUTION TO THE HISTORY OF THE IMPERIAL CENTRAL FISCAL DEPARTMENT IN THE IXth – Xth CENTURIES	40
Храпунов Н.И. (Симферополь) ДОЛЖНОСТИ С АРХАИЧНЫМИ НАЗВАНИЯМИ В ВИЗАНТИЙСКИХ ГОРОДАХ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ IX–XI ВВ	40
Чхаидзе В.Н. (Москва) НОВЫЕ НАХОДКИ ВИЗАНТИЙСКИХ ПЕЧАТЕЙ ГЛАВНЫХ ЛОГОФЕТОВ НА ТЕРРИТОРИИ ТАМАНСКОГО ГОРОДИЩА	42
Шаманаев А.В. (Екатеринбург) УЧАСТИЕ Н.Н. МУРЗАКЕВИЧА В ИЗУЧЕНИИ И СОХРАНЕНИИ ХЕРСОНЕССКОГО ГОРОДИЩА	44

ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: «империя» и «полис» II

ТЕЗИСЫ ДОКЛАДОВ И СООБЩЕНИЙ

(російською мовою)

Редактор–упорядник М. Алексеєнко
Комп'ютерна верстка М. Ареф'єв
Коректор Л. Грінєнко

Здано до набору 06.05. 2010. Підписано до друку 15.05.2009.
Формат видання 60x84 1/16. Гарнітура Times.
Обл.-вид. арк. 3,08
Наклад 100 прим.

Надруковано у типографії НПЦ «ЭКОСИ Гидрофизика»
99011, Севастополь, вул. Леніна, 28.